

Филология и Лингвистика

международный научный журнал

etxe ház 房子
 ty casa guriga
 maja house отіті
 къща domum shtëpi Húsiǒ
 kuća hiša teach
 namas haus ev
 maison dom talo
 nyumba hus
 სახლი घर

ISSN 2412-4028

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА

Международный научный журнал

№ 2 (8) / 2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметова Мария Николаевна, *доктор педагогических наук*

Члены редакционной коллегии:

Айрян Заруи Геворковна, *кандидат филологических наук*

Ахметова Мария Николаевна, *доктор педагогических наук*

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, *доктор философии (PhD) по филологическим наукам*

Иванова Юлия Валентиновна, *доктор философских наук*

Игнатова Мария Александровна, *кандидат искусствоведения*

Ткаченко Ирина Георгиевна, *кандидат филологических наук*

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Галина Анатольевна

Ответственный редактор: Осянина Екатерина Игоревна

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Голубцов Максим Владимирович

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 500 экз. Дата выхода в свет: 10.06.2018. Цена свободная.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, *кандидат филологических наук, доцент (Армения)*

Арошидзе Паата Леонидович, *доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)*

Атаев Загир Вагитович, *кандидат географических наук, профессор (Россия)*

Ахмеденов Кажмурат Максutowич, *кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)*

Бидова Бэла Бертовна, *доктор юридических наук, доцент (Россия)*

Борисов Вячеслав Викторович, *доктор педагогических наук, профессор (Украина)*

Велковска Гена Цветкова, *доктор экономических наук, доцент (Болгария)*

Гайич Тамара, *доктор экономических наук (Сербия)*

Данатаров Агахан, *кандидат технических наук (Туркменистан)*

Данилов Александр Максимович, *доктор технических наук, профессор (Россия)*

Демидов Алексей Александрович, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, *доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)*

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, *доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)*

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, *доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)*

Игисинов Нурбек Сагинбекович, *доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)*

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, *кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)*

Кайгородов Иван Борисович, *кандидат физико-математических наук (Бразилия)*

Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*

Козырева Ольга Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Россия)*

Колпак Евгений Петрович, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*

Кошербаева Айгерим Нуралиевна, *доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)*

Курпаяниди Константин Иванович, *доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)*

Куташов Вячеслав Анатольевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Кыят Эмине Лейла, *доктор экономических наук (Турция)*

Лю Цзюань, *доктор филологических наук, профессор (Китай)*

Малес Людмила Владимировна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Нагервадзе Марина Алиевна, *доктор биологических наук, профессор (Грузия)*

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, *кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)*

Прокопьев Николай Яковлевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Прокофьева Марина Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)*

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, *доктор философских наук, профессор (Россия)*

Ребезов Максим Борисович, *доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)*

Сорока Юлия Георгиевна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Узаков Гулом Норбоевич, *доктор технических наук, доцент (Узбекистан)*

Федорова Мария Сергеевна, *кандидат архитектуры (Россия)*

Хоналиев Назарали Хоналиевич, *доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)*

Хоссейни Амир, *доктор филологических наук (Иран)*

Шарипов Аскар Калиевич, *доктор экономических наук, доцент (Казахстан)*

Шуклина Зинаида Николаевна, *доктор экономических наук (Россия)*

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Эгамбердиева Г.М.

Вопрос о своеобразии в образах 1

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Nguyen Huu Son

Reflective spirit in Pham Quynh's travel-diary in Nam Phong magazine 4

Садокова А.Р.

Становление японского реализма и творчество Таяма Катай (1872–1930) 6

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Реймерс С.В.

Роль полихроматизации языка фольклора в межкультурном пространстве 9

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Джамбаева Ж.А., Толемысова К.М.

**Мифо-фольклорные образы в художественной литературе
(на материале казахстанской прозы 60–80-х гг. XX века)** 13

Самоленкова А.А.

Мотив двойничества в пьесе Франца Верфеля «Человек из зеркала» 16

ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Биль О.Н., Туралина Н.А.

**Функционирование образов космического пространства в метафорических контекстах
(на примере поэтических текстов начала XX века)** 19

Дмитриева О.А., Pan Xiaotong

Жертвенность как доминанта лингвокультурного типажа «учитель» 21

Zavitova T.Y., Bukharbaeva G.

Phraseological comparisons in Kazakh and English languages: match of meanings 25

МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ

Варавва В.В.

**Пресс-клиппинг юбилейных страниц первой большевистской газеты «Красное Знамя»
Приморского края** 27

Omonova P.G., Gulomova Z.B.

Analyzing news stories: content and comment 36

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Gabdullina Z.E., Kussainova G.M.

The translation of children's literature: culturally-bound words and expressions in the light of skopos theory 38

Лившиц А.Е.

Антонимический перевод как переводческая трансформация 41

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Вопрос о своеобразии в образах

Эгамбердиева Гузал Мадияровна, кандидат филологических наук, доцент
Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (г. Ташкент)

Узбекский народ имеет древнюю историю, насыщенную разнообразными событиями, которая нашла свое отображение в его эпосе, созданной и исполняемой на протяжении многих веков.

Особое место в структуре узбекского фольклора занимают эпические жанры сказка и дастан. В данных жанрах нашли свое отражение жизненный уклад узбекского народа, его надежды и чаяния, философские воззрения. Действительно, их идейную основу составляют жизненные наблюдения, национальное видение окружающей действительности наших далёких предков, т.е. национальная идея.

Известно, что в каждом художественном произведении в основе движения событий ведущее место занимают образы, осуществляющие в них свою деятельность.

Хотя образы, проявляющие свою деятельность в сказках и дастанах, направлены, в основном, на выполнение одинаковой функции, их облик в зависимости от требований жанра проявляется по-разному.

Хамро, являющийся главным героем хорезмского дастана «Хурилико и Хамро», входит в систему образов типа Кенджа-батыра (Младший брат-богатырь), сформировавшегося первоначально в сказках. Действительно, в сказках довольно часто встречаются такие понятия, как три брата-богатыря, младший брат-богатырь. Данный образ своими корнями уходит в глубокую древность.

Как пишет Дж. Фрезер, особое внимание к младшему сыну имеет отношение к временам минората. «Когда приходит время распорядиться своим имуществом, отец обходит своего ушедшего из дома непокорного и своенравного сына, оставляя все безраздельно послушному и почтительному младшему сыну, который остался жить в отцовском шатре» [4, с. 242]. Данное явление представляет собой определенную общность в обычаях многих народов. Сказочные мотивы, повествующие о разногласиях между тремя братьями по поводу имущества, вероятно, являются своеобразным отражением действительности тех времен.

Несмотря на то обстоятельство, что образ Хамро в дастане представляется в качестве эпического героя, он не является образом типа Алпамыша из героического эпоса. Данный образ сформировался в качестве

героя дастана под влиянием сказок, подвергшись определенной эволюции. В этой связи, в нем сохранились черты, свойственные и героям сказок. В частности, в его биографии отсутствуют такие, характерные для героического эпоса, мотивы, как чудесное рождение, вскармливание со стороны какого-либо тотемного животного, обладание конем, волшебным оружием. В его деятельности определяющим аспектом является не воинственность, а на первый план выдвигаются такие качества, как влюбленность, гуманизм, верность своему идеалу.

Хотя в дастане и упоминается о том, что у него есть конь по имени Шахсувар, Хамро не участвует ни в одном сражении. Все вышеуказанное тесно связано с определенным воздействием сказки на его образ, поскольку, во всех трех упоминаемых нами сказках, в деятельности образа, выступающего в качестве главного героя, эпизодов сражения, борьбы не наблюдается. Обычно в деятельности образов главных героев сказок эпизоды сражения не выводятся на первый план, а определяющими являются такие качества, как гуманизм, находчивость, знание своего дела, верность выбранному пути.

Характерные для жанра сказки изобразительные элементы сохраняются в ощутимой мере не только в облике главного эпического героя, — многие эволюционные качества распространяются и на его деятельность.

При сопоставлении образа Хамро с обликом героев, проявляющих свою деятельность в сказках, данные особенности выступают более рельефно.

Главный герой узбекской народной сказки «Олмос ботир» изображается следующим образом: «Кампир ўғил туғибди. Бу болани огирлиги бир ботмон, бўйи икки газ эмиш... Бола соатлаб ўсаверибди, ақлли, доно йигит бўлибди. От минишда, қилич чопишда бу юртада Олмос ботирга бас келадиган одам қолмабди» [2, 13].

Про главного героя дастана, Хамро, в весьма лаконичной форме говорится следующее: «Хамрожон болаларнинг хаммасидан ақлли, хушли, доно, донишманд сифатли бўлди». В другом месте дастана отмечается следующее: «Келбатли, хусну жамолли, арслондек гавдали» (Рукопись, с. 12–17).

Два описания из данных двух жанров в определенной мере различаются между собой. В портрете из сказки

сразу бросается в глаза гиперболическое изображение, столь характерное для сказок. Вес рожденного ребенка, его размеры, «рос не по дням, а по часам» — все это подчинено требованиям сказочного изображения. А в дастане говорится лишь о том, что он был обычным человеком, стройным парнем, исполненным силы и отваги.

Для обрисовки поступков главных героев сказки и дастана также выбрано изображение, характерное для требований каждого из двух жанров. Например, в сказке, после того, как Олмос-батыр завладел птицей, приводится следующее изображение: «...камфир билан хайрлашиб осмонга парвоз қилибди-да, ўз юртига етиб борибди» [2, с. 16]

А в дастане данный эпизод имеет более жизненную основу: «Булбулигуё кушни Ҳамрожон эгарнинг қошига маҳкам танғиди. Ҳамрожоннинг қалқон, совутлари, зар чекман, чўғирмалари, тилло наҳалли этиқлари кун билан чақилишиб бора берди. Бир неча манзил йўл юрдилар, тоғдан, қирдан, чўлдан ошдилар» (Рукопись, с. 75).

И в данных описаниях наглядно проявляется то обстоятельство, что у каждого жанра существует свой особый способ изображения. Если в сказке главное значение имеет фантастика, то в дастане определяющую роль играет реализм.

Сказкам присуще еще одно, нехарактерное для дастанов, качество. В сказке «Олмос ботир» в качестве покровителя главного героя приведен образ благообразной старухи, матери дивов, и в данном образе в наглядной форме проявилась фантазия, характерная для сказок. С точки зрения реализма, тот факт, что мать дивов выступает в качестве благообразной старухи, представляет собой удивительный, неестественный случай. Данное изображение характерно для жанра сказки и совсем не соответствует требованиям жанра дастана.

Если в другой сказке, а именно в «Чўлоқ бўри», главный герой осуществляет свою деятельность совместно с животным — хромым волком, то в сказке «Булбулигуё» он в своих действиях советуется с Обезьяной. Хорезмские дастаны, по сравнению с дастанами других областей Узбекистана, более ориентированы на объективное изображение жизни и в них не встречаются случаи беседы человека с каким-либо животным. В виде исключения можно отметить лишь коня Аспи-джахангира из дастана «Шахрияр» [3, с.39].

Если судить с данной точки зрения, то между характерными чертами, присущими главным героям сказок, и деятельностью Хамро имеют место весьма значительные несоответствия. Образ Хамро представляет собой образ человека, всесторонне достигшего уровня эпического героя, характерного для фольклора, и в отдельных случаях он вступает в связь с магическими эпизодами, свойственными сказкам. Его покровитель, несмотря на то обстоятельство, что имеет отношение к роду пери, изображается в человеческом облике, в виде прекрасной девушки и является не только покровителем Хамро, но и его возлюбленной. Следовательно, «В дастанах и сказках жизнь и быт пери при всех

фантастических аксессуарах изображаются очень похожими на жизнь и быт простых людей» [1, с.169]. Однако, следует отметить и тот факт, что в образах пери, при их переходе из сказки в дастан, в еще более усовершенствованной форме начинают проявляться человеческие качества.

Во многих дастанах наблюдаются случаи женитьбы главного эпического героя на пери.

Деятельность главного эпического героя дастана по ходу событий тесно переплетается с судьбой пери. Поскольку, покровительство предков, имеющее отношение к древнейшему тотемизму, в процессе общественного развития и совершенствования эпоса уступили свое место образам пери с человеческим обликом, то и последние осуществляют свою деятельность не только в качестве покровителя эпического героя, но и его возлюбленной.

С точки зрения образа главного героя, Хамро и Олмос-батыр, по сравнению с образами главных героев двух оставшихся сказок, весьма соответствуют друг другу.

Первое, что связывает их, это тот факт, что оба они являются детьми, которые были вымолены у всевышнего. Помимо этого, Олмос-батыр, несмотря на то что является героем сказки, обладает конкретным именем. К тому же, в сказке имеют место целый ряд гиперболических изображений, связанных с его обликом. В остальных двух сказках главные герои определяются в общем, характерном для сказок, виде царевичей. В сказке «Чўлоқ бўри» образ главного героя обладает весьма расплывчатым обликом, изображен поверхностно, в общей форме.

Таким образом, если обратиться к сказочным образам и образам, участвующим в дастанах, то становится очевидным, что из сказок в дастаны перешли, в основном, традиционные образы. Это — главный эпический герой, его возлюбленная, боевой конь, эпический покровитель, а также образы, характерные для мифологии: птица булбулигуё, див, старуха-ялмогиз, пери и др. По сравнению с ними, в дастанах большее распространение получили человеческие образы, которые, подвергшись определенной эволюции, приобрели законченность, реальность.

В анализируемых нами дастанах и сказках наблюдается определенная общность в выборе главного героя. Во всех произведениях эпический герой предстает в облике младшего сына. В связи с формированием героя дастана на основе волшебного-фантастических сказок в нем не проявляются такие черты, как воинственность, боевитость. В его биографии отсутствуют ожесточенные сражения и не определяется, в данной связи, роль эпического коня. В его деятельности, в основном, проявляются в большей степени качества, связанные с патриотизмом, принципиальностью, отвагой на пути к достижению своей любви.

Образ Хамро, по сравнению со своими братьями из сказок, отличается в лучшую сторону мудростью, находчивостью, гуманизмом, а самое главное — определенной близостью к жизненно-реалистическому образу.

Литература:

1. Джалалов Г. Узбекский народный сказочный эпос, — Т., 1980. — С. 169.
2. Олтин бешик: Эртақлар. — Т.: Адабиёт ва санат, 1985.
3. Рузимбаев С. Хоразм дostonларининг спецификаси, типологияси ва поэтикаси (докторская диссертация), — Т., 1990, — С. 39.
4. Фрезер Дж. Фольклор в Ветхом завете. — М., 1989, с. 242.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Reflective spirit in Pham Quynh's travel-diary in Nam Phong magazine

Nguyen Huu Son, PhD, associate professor
Institute of Literature (Vietnam)

Contribution of scholar Pham Quynh in the topic of travel-diary literature in Nam Phong magazine published in Hanoi (1917–1934) was evaluated. Specific historical viewpoint for objective evaluation the reflective spirit of Pham Quynh in travels inside the country and in France was determined. Reflective voice in the transformation process from tradition to modern and the trend of integration, development and exchanges between the East and the West in the first half period of the 20th century were emphasized.

Keywords: *Nam Phong magazine, Pham Quynh, travel-diary, literature of the first half of the 20th Century, receiving literature, Vietnamese modern literature.*

Scholar Pham Quynh (1893–1945) had pen-names such as Thuong Chi, Hoa Duong and Hong Nhan. He was born in Ha Noi. His native place is Hai Duong province. Pham Quynh was Director and Editor-in-chief of Nam Phong magazine (published in Hanoi from 1917–1934). Pham Quynh founded and was the chairman of the Tien Duc Association for the advancement of learning. He went to France to take part in Marseille exhibition fair, delivered a speech about ethnic and educational issue in Political Committee and Moral Committee of French Academy. He used to give lectures at Hanoi College and was assistant editor of France — Indochina newspaper. He also took part in Indochinese Economic and Financial Council and recommended Constituent theory that require France to set up basic rights for Vietnam in the interrelation with protective government. He was Assistant Chairman of Hanoi Geographic Association and general secretary of the Social Relief Committee in the North Vietnam. Afterward, he worked for Hue Court as a Cabinet of the emperor (1932–1933), then was Prime minister of Education (1933–1942) and Prime minister of Interior (1942–1945). Pham Quynh was arrested and sentenced to death by Viet Minh because he was suspected as a French lackey (1945).

During work in Nam Phong magazine, along with research, compilation, edition and introduction of Vietnamese and the world politics, society, history and culture, Pham Quynh made a remarkable contribution in the field of travel-diary. The fact shows that Pham Quynh's travel-diary works are quite diversified in terms of purpose, journeys and the magnitude of the author's lyrical voice. Despite the intersection of the nuances of content, readers still able to point out the highlights as well as the different color palette in Pham Quynh's travel-diary works. There is a travel-diary line of duty and mission. This type of

travel-diary was usually written by intellectuals and journalists. On the other hand, because the Nam Phong magazine was subject to the direct management of the contemporary government, it was obligatory to speak the voices of the people. However, these travel-diary works still show the national pride and sincere feelings with the beauty of the country. Moreover, from the historical point of view, there will be many pages of Pham Quynh's travel-diary such as Ten Days in Hue (1918), One Month in Cochin China (1918–1919), With Cochin Chinese envoys (1920) are indeed worth reading to consider many socio-cultural events and position of the administrative organization of the upper class civil servants under the colonial feudal dynasty. From early on, Pham Quynh wrote travel-diary to express his curiosity and happiness when exploring landscapes and historical monuments as well as suggestions on how to organize and run festivals such as the Huong Pagoda (signed as Thuong Chi, 1919). Set in the contemporary socio-cultural context, these writings opened up new perceptions, created excitement and awakening to the new that the author was insiders. Beyond the national boundary, Pham Quynh had France travel diary (printed in 27 seasons, 1922–1925), Travel tales in Paris (1922) and Travel to Laos (1931) [1]. In fact, the division of method, type and content of Pham Quynh's travel-diary writings as above is just relative. Although having differences, his travel-diary writings are still oriented in the mode of walking and watching, betting on the positive subject who is the direct experience and pursues good qualities, separates from the secular mischief.

At the end of the second decade of the twentieth century, the scholar Pham Quynh also came from the North to the South (Saigon — Gia Dinh — Nam Bo) and left a vivid travel-diary writings through his work One Month in Cochin China. Not only in Saigon — Gia Dinh, Pham Quynh

also eagerly visited some western provinces, spreading all over My Tho, Cai Be, Vinh Long, Sa Dec, Long Xuyen, Can Tho and getting to know many new things in social life, landscapes, residents, languages, customs and habits. After the trips and all the sightings then returned to the North, cultural activist Pham Quynh came to the conclusion as a wish: «*The more I traveled to Cochin China, the more I felt the sense that people in the North and the South were really the same Vietnamese. If we join together, Vietnam's future could not be diminished. I would like to burn the incense fire and pray for that solidarity, and it is fortune of our country*» [3].

Cultural activist Pham Quynh with France travel diary and Travel tales in Paris made important contributions in the type of travel-diary about France, expressing the reflective spirit on the national status and Vietnamese-French relations in the early twentieth century. In fact, the Travel tales in Paris is a summary on the basis of the content of the French travel diary and was presented by Pham Quynh at the Hanoi Music Festival held on 15–9–1922 by the Tien Duc Association for the advancement of learning.

According to the Pham Quynh's diary, the trip departed on March 9, 1922 at Hai Phong port and returned on September 11. He deliberated to Go — See — Listen as much as possible, then compare French civilization with Vietnam. In France, he went to Marseille, Lyon, Versailles and Verdun many times and visited all of the offices, historical sites, cultural sites and places in Paris. Wherever he went, he recorded, commented and compared the real life in metropolitan with the life in his motherland and expressed the impression of what he has seen. [4]

In France Pham Quynh was surprised by the superiority of science, technology and material life in the metropolitan. He perceived the difference and admired the magnificent Le Louvre palace, the Eiffel Tower with elevators, tall buildings, hotels, comfortable restaurants, bridges spanning the mighty Seine, parks, streets, luxury villas, etc. Visiting the tomb of Napoleon, Pham Quynh described the sightings and displayed an extensive source of his knowledge: «*Often read in the book of Chinese travelers to Paris said: tourists to Paris without watching the tomb of King Napoleon is not known Paris*». Pham Quynh was very willing to buy books, read books, listen to lectures and directly participated in lectures at many cultural centers, science, research institutes, and universities. As an intellectual, visiting an ethnographic museum, he remarked: «*The education of the West, whatever subject, is so thorough and complete, thereby their learning is so deep and advanced*». Looking back to the homeland, he awakened and self-reflecting: «*In Hanoi, there is Association of Tri Tri and Association for the advancement of learning which slightly have these points but need adjusting. At present, there are only few useful meetings, sometimes there are some friendship association meeting to discuss, some bosses with vain issues, sometimes speak loudly but not get out of the way »the village« which mean noisy mess that no story*» [6].

From the perspective of a social activist, cultural activist and politician, even in Marseille, Pham Quynh came

to hear a female doctor lecture on «the revolutionary movement and extremism in Russia». This showed the liberty and democracy in political life of France at that time, and was applauded by Pham Quynh, he even compared with the Eastern social thought [6]. Attending a discussion on educational policy, Pham Quynh continued to waken and withdrew the conclusion: «*In a free country, anything can be brought to the public to discuss. People say and stand in the middle of the judgment, the government is eclectic, this is better than the policy of »freeze« that is not beneficial to anyone*». He attended lectures, had a «look» at a discussion, listened to senators questioning Government in Senate, then considered and proposed: «*Listen to their speeches and think of our country people, not only they do not know how to lecture, but to tell the story they also do not know. People in our country need to learn talking so much*» [6]. Afterward, in Travel tales in Paris, Pham Quynh continued to point out the importance of public, democratic and humorous debates, he emphasized: «*If so, going into politics is boring, isn't it? And Parliament likes a vegetable market, doesn't it? If so, parliamentarians of our country every year go to Hanoi for a few days, asking the Government to go to see Cheo singing, are better than parliamentarians in the West every day come out to the public place and quarreled like cows, aren't they? A parliament need to have a political party, a political party need to have competition, competition make a parliament better, that is the evolution of nations in the world. Our country has not reached that level yet. Should I be happy or regrettable? That questioned the people*» [6]. Obviously, Pham Quynh awakened and recognized the new, the difference, the developments and advances in the outside world and hoped that people in Vietnam would refer and follow France.

Comparing the traditional education and thinking with other country, scholar Pham Quynh realized that every day in France he can learn and know many new things. When he came to see the roll-call soldiers at the horsemen's house, he realized the truth of life: «*People here are alike people in our country, perhaps people anywhere are the same, all of them like festivities*». More importantly, Pham Quynh was really awakened and had an overview expressing his viewpoint about society, the relationship between Vietnam and France, the interrelationship of the East and the West and identifying the way that society evolves: «*The streets of luxury seem to be unhappy as the popular villages; the upper strata still do not want to attend. Even in equal democratic countries, strata still discriminate to each other and the complete equality is probably never happen*» [8]. From the reflection, Pham Quynh stressed on the need to improvement and transformation towards innovation, integration and development on the basis of education and traditional culture: «*The Western civilization is so intricate, so many »aspects«, to cover it all and collect the whole is very difficult. There must have a strong learning power, a wise mind and unusual bright eyes in order not to make mistakes and wrong guesses*». [8]

There is no doubt that Pham Quynh was really persuaded by France «the heart of the world», «the brain of civilization», «the essence of culture». Toward France, he found that this was a relationship of belonging, should be based on the French technical and political-cultural structure. He awakened the desire of his homeland to evolve, but also saw the limitations and shortages created by a small, backward and stagnant economy. It is important to note that Pham Quynh was not an one-dimensional mechanical person, he always tried to find a suitable way to renovate; he respected

French culture but preserved national tradition, promoted French learning and still recommended to learn fluently Vietnamese □ *Only learning foreign languages when having time*”. He always recognized himself as an intellectual, paying attention to ring the bell to appeal to compatriots and authorities. All of this show that the scholar Pham Quynh really deserves to be an intellectual and excellent activist of Vietnamese culture in the first half of the twentieth century.

References:

1. Nguyen Hue Chi: Pham Quynh, in the Literature dictionary (new edition). The World Publishing House, Hanoi, 2001, p.1334–1366.
2. Pham Quynh: One month in Cochin China. Nam Phong magazine, No. 17, November 1918 to No. 20, February 1919.
3. Pham Quynh: France travel diary. Nam Phong magazine, No. 58, April 1922 to No. 100, October and November 1925.
4. Pham Quynh: Travel tales in Paris. Nam Phong magazine, No. 64, October 1922, p. 250–274.
5. Pham Quynh: Collection of travel-diary (Nguyen Huu Son collected and introduced). Republished. Tri Thuc Publishing House, Hanoi, 2014, 512 pages.
6. Pham Quynh: Travel tales in Paris. Nam Phong magazine, No. 64, October 1922, p. 263.
7. Pham Quynh: France travel diary. Nam Phong magazine, No. 100, October and November 1925, p.308.
8. Nguyen Huu Son: Travel-diary category in Nam Phong magazine (1917–1934). Literary Research, No. 4–2007, p.21–38.

Становление японского реализма и творчество Таяма Катай (1872–1930)

Садокова Анастасия Рюриковна, доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Одним из наиболее ярких периодов в истории японской культуры и литературы по праву считается конец XIX — начало XX века. Это было так называемое «послемэйдзинское» время. Как известно, в 1868 году в Японии произошла незавершенная буржуазная революция Мэйдзи, 150-летие которой широко отмечается в этом году [3]. Она ознаменовала собой, в том числе, и «открытие» страны, которая до этого почти два с половиной века находилась в добровольной изоляции от всего мира. После революции Мэйдзи Японию захлестнула волна увлечения Западом, в том числе его культурой и литературой. За несколько десятилетий японская литература прошла сложный путь самоопределения, поиска гармонии между традиционно японским и привнесенным извне. Это было время просветительского движения, развития журналистики и переводной литературы, приобщения японской читающей публики к литературным достижениям европейской цивилизации. Время сложное, противоречивое и необыкновенно плодотворное.

В результате к концу XIX века в Японии появилась целая плеяда талантливых писателей и поэтов, которые и сформировали совершенно особую по духу и тематике литературу «послемэйдзинского» периода. Некоторые из них считали себя писателями-реалистами, другие увлекались романтизмом, третьи относили себя к натуралистам.

В тот момент в Японии литературные направления смешивались и странным образом сосуществовали друг с другом. И в этом был особый литературный колорит той эпохи.

Среди наиболее известных японских писателей начала XX века особой популярностью пользовался писатель Таяма Катай (1872–1930), основоположник, трибун натуралистического направления в японской литературе. Особую известность принесли ему манифест японских писателей-натуралистов «Неприкрытое изображение» (1904) и повесть «Постель» (1907) о любовной страсти немолодого писателя к своей юной ученице.

В целом, литературное наследие Таяма Катай впечатляет — широко известна его трилогия «Жизнь», «Жена» и «Семейные узы» — так называемые «романы о себе», путевые заметки о достопримечательностях японской столицы и ее окрестностей, воспринимаемые теперь, по прошествии времени, как важный краеведческий и культурологический источник. Но среди всех многочисленных произведений Таяма Катай особое место занимает в его творчестве повесть «Сельский учитель» (1909), которая и сегодня любима в Японии, а места, где происходили события этого произведения, являются центром паломничества.

Это история о трагической судьбе бедного юноши по имени Хаяси Сэйдзо, который из-за нехватки средств не смог окончить старшую школу, но, следуя своему при-

званию, отправился в небольшой провинциальный городок и поступил учителем в сельскую начальную школу. Он влачит безрадостное существование, видя, как один за другим рушатся его идеалы, и, понимая, что его собственная жизнь становится столь же безрадостной, как и жизнь всех учителей в этой школе. Мечты о литературе и прекрасном будущем уступают место бесцветной жизни. Не найдя сил бороться, он начинает пить и вскоре тяжело заболевает [2].

Трагические события этой повести разворачиваются на фоне русско-японской войны 1904–1905 годов. Победы Японии на фронтах, общее ликование, обещания правительства улучшить жизнь всех японцев так далеки от полной лишений жизни молодого героя повести, что только подчеркивают весь трагизм происходящего. «Маленький человек» оказывается забытым и брошенным, он остается наедине со своими проблемами и разбитыми надеждами. Как логическое завершение всеобъемлющей дисгармонии воспринимается и смерть героя — он умирает в нищете и одиночестве, а за окнами толпы сограждан бурно восхваляют правительство, одерживающее победы на фронтах войны.

Повесть «Сельский учитель» оказалась близкой душам многих японцев, потому что проблемы молодого учителя были созвучны проблемам сотен таких же молодых и неприкаянных, неостребованных людей молодого поколения в Японии начала XX века. Может быть, именно поэтому интерес читающей публики к судьбе реального прототипа главного героя повести всегда был велик. Реального прототипа «сельского учителя» звали Кобаяси Хидэдзо. Как и герой будущего рассказа, Хидэдзо уехал в небольшой городок Ханиу (на севере современной префектуры Сайтама, недалеко от Токио) и поступил на службу в маленькую сельскую школу Мироку сёгакко. На свои скудные средства Хидэдзо удалось снять дешевое жильё около буддийского храма Кэмпукудзи. Каждый день, отправляясь на работу, он проделывал путь в шесть километров по сельским дорогам. Однако вскоре заболел и в сентябре 1905 г. скончался в возрасте 21 года. Хидэдзо был настолько беден, что и похоронили его скромно там же, где он жил — около храма Кэмпукудзи.

Конечно, тогда никто не мог и предположить, что тихий городок Ханиу станет местом паломничества, а обычный сельский храм, каких по всей Японии не счесть, будет упоминаться как главная достопримечательность города. Но так случилось, что Кобаяси Хидэдзо вел дневник. Он вообще был натурой творческой, пробовал себя в поэзии и опубликовал даже несколько стихов. В свое время дневник попал в руки писателя Таяма Катай, что, вероятно, произошло не случайно. Дело в том, что настоятелем того самого храма Кэмпукудзи был друг писателя — Оота Гиёкумэй. Именно с него Таяма писал позже образ настоятеля буддийского храма в своей повести.

Однако место настоятеля Оота Гиёкумэй получил не сразу, а, по всей видимости, именно в тот период, когда юноша по имени Кобаяси Хидэдзо поселился поблизости. До этого, еще в 90-х годах XIX в., Оота Гиёкумэй

считал себя литератором, пытался писать стихи и даже хотел стать переводчиком. Сохранились его публикации в провинциальном журнале «Бунгэй курабу» («Литературный клуб»), в одном из бесчисленных изданий послемэйдзинской Японии. Известно также, что в 1897 г. Оота Гиёкумэй вместе с Таяма Катай и другим известным писателем, будущим классиком японской литературы начала XX в. Куникада Доппо (1871–1908) опубликовал сборник «Дзёдзэси» («Лирические стихи»), который имел эпохальное значение если не для истории всей японской литературы, то уж точно — для литературной жизни нынешней префектуры Сайтама. Это был первый поэтический сборник «новых стихов» — *кин-дайси*, опубликованный в Сайтаме.

Оота Гиёкумэй мечтал стать поэтом, однако лирические стихи и статус настоятеля буддийского храма были несовместимы. И как только Оота Гиёкумэй получил место настоятеля, он отошел от литературы, не теряя при этом связь с друзьями-литераторами. К тому же к этому времени с Таяма Катай его связывали не только дружеские, но и семейные узы — Таяма женился на младшей сестре Оота.

Сохранилась чудесная старая фотография, вероятно, 1897 года, на которой запечатлено содружество «Дзёдзэси»: Оота Гиёкумэй, Куникада Доппо, Таяма Катай, а также в будущем известный ученый-этнограф и фольклорист Янагита Кунио (1875–1962). [1, с. 7]. Все такие молодые и одухотворенные... И никто еще не знает, какая судьба уготована каждому из них...

Оота Гиёкумэй станет настоятелем буддийского храма, но не только тем прославится. Его имя будут вспоминать в связи с судьбой бедного прихожанина, который и запомнился ему, наверное, лишь тем, что умер слишком молодым. Правда, именно Оота Гиёкумэй потомки будут благодарны за то, что он сохранил неизвестно каким образом попавший к нему дневник того молодого человека, и не только сохранил, но и передал в надежные руки, и тем самым, сам того не ведая, стоял у истоков создания одного из лучших произведений новой японской литературы.

Таяма Катай станет известным литератором, его роман «Футон» («Постель») будет считаться новаторским, а потомки будут называть его не иначе как «мастер», «классик», «основоположник». Куникада Доппо вскоре скончается от чахотки, оставив своим почитателям бессмертную поэму в прозе «Равнину Мусаси» и запечатлевшись в их памяти молодым стеснительным юношей. Что же касается Янагита Кунио, то его имя станет известно далеко за пределами Японии. Его труды будут переводиться и цитироваться. Его ждет судьба «мэтра» японской науки и, наверное, самого известного в мире японского ученого-этнографа. Но пока, в 1897 году ничего этого нет, и повесть «Сельский учитель» еще не написана. И никому неизвестно, какие удивительные совпадения будут с ней связаны.

Одно из них ассоциируется с именем известного в свое время художника — мастера школы японской живописи-*нихонга* Кобаяси Санки (1887–1971). Невероятно, но Кобаяси Санки был учеником реального «сельского учителя» — Кобаяси Хидэдзо и учился в той самой

сельской школе Миоку сёгакко! В нем рано проявился художественный дар, и Кобаяси Санки решил посвятить себя изучению европейской живописи. Однако интерес к своеобразию *нихонга* возобладал, и он прославился именно в этой области. Со временем Кобаяси Санки решил попробовать свои силы в книжной иллюстрации, и в 1958 г. на Второй выставке иллюстраций к произведениям художественной литературы, выполненных в манере *нихонга*, он представил целую серию свитков-*эмаки*, иллюстрирующих рассказ «Сельский учитель». Общеизвестно, что это была одна из самых удачных попыток проиллюстрировать рассказ Таяма Катай.

... Сегодня маленький городок Ханиу, где около того самого храма Кэмпукудзи сохранилась могила реального прототипа «Сельского учителя» — юноши по имени Кобаяси Хидэдзо, место, куда приходят ценители японской литературы. Там и теперь находится обычное прихрамовое кладбище, но могилу Кобаяси Хидэдзо можно найти без особого труда: около ведущей к ней аллеи высятся стела, на которой написано «Могила сельского учителя». Именно так именуют в современной Японии некогда жившего реального человека Кобаяси Хидэдзо — его образ навсегда слился воедино с образом литературного героя. При том же храме в свое время был организован музей истории создания известной повести, в котором самое замечательное — воссозданная комната Кобаяси Хидэдзо. Там посетителям даже разрешается посидеть за низким столиком и внимательно рассмотреть лежащие на столе письменные принадлежности — все это, по замыслу создателей музея, должно помочь ощутить атмосферу того времени и представить себя на месте «Сельского учителя».

Литература:

1. Оомия-коэн то бунгакусятати (Парк Оомия и литераторы). — Сайтама, 1999.
2. Таяма Катай. Инака кёси (Сельский учитель). — Токио, 1952.
3. Япония. 150 лет революции Мэйдзи. — СПб., 2018.

А еще в этом городке можно пройти дорогой «Сельского учителя». И это не является изобретением городка Ханиу. Интересно, что в Японии принято «ходить дорогой» литературных и исторических героев. Это можно сделать самостоятельно, а можно и в составе экскурсионной группы. Японцы убеждены, что, только «повторяя путь», можно почувствовать душу героя прошлого или «ощутить» характер литературного персонажа. И потому путешествие на место реально или даже вымышлено проходивших событий — это обязательная часть экскурсионного сервиса в Японии, а также важная часть краеведческого образования в начальной школе.

Дорогой «Сельского учителя» в Японии проходят многие — ведь, как говорят японцы, для них очень важно самим почувствовать, какой сложной была жизнь этого знакомого им практически с детства молодого человека. При этом особый интерес для японцев всегда представляет поиск тех мест, которые были описаны в повести более ста лет назад, посмотреть, что теперь находится там. Они хотят лично повторить путь, который и сам Кобаяси Хидэдзо, и его литературный «собрат» проделывали дважды в день. Шесть километров по полям, косограм, узким улочкам, по мосту через речку — кажется, что даже облик этого тихого провинциального городка не слишком изменился, хотя большинства из упомянутых зданий уже нет и в помине, а на их месте — автостоянки и круглосуточные магазины. И все равно сотни японцев ежегодно проходят эти шесть километров непростого пути. Пути, на котором возникает желание подумать о жизни и вечности...

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Роль полихроматизации языка фольклора в межкультурном пространстве

Реймерс Снежана Валерьевна, кандидат социологических наук, старший преподаватель
Московский гуманитарно-экономический институт

Важнейшим источником изучения психологии, мировоззрения, эстетики того или иного народа является фольклор. Термин «фольклор» (в переводе с английского «folklore», буквально «народная мудрость») впервые ввел английский ученый Вильям Томс в 1846. Поначалу этот термин охватывал всю духовную, а иногда и материальную культуру народа. В современной науке нет единства в трактовке понятия «фольклор». Иногда оно употребляется в первоначальном значении как составная часть народного быта, тесно переплетающаяся с другими его элементами [1].

Существенной особенностью фольклора является богатство образной фантазии, метафоричность и чувственная наглядность представлений. Фольклор каждого народа неповторим, так же как его история, обычаи, культура. Однако сравнительное изучение фольклора разных народов показало, что, несмотря на яркую национальную окраску фольклора, многие мотивы, образы и сюжеты у разных народов сходны в самых различных частях земли. А круг тем и сюжетов — вопросы происхождения мира, человека, культурных благ, социального устройства, тайны рождения и смерти — затрагивает широчайший круг коренных вопросов мироздания. У народов с единым историческим прошлым и говорящих на родственных языках подобное сходство может быть генетическое. Похожие черты в фольклоре народов, относящихся к разным языковым семьям, но издавна контактирующих друг с другом объясняются заимствованием. А в фольклоре народов, живущих далеко друг от друга и, вероятно, никогда не общавшихся, существуют типологические сходства, потому что на одинаковой стадии развития складываются похожие верования и обряды, формы семейной и общественной жизни.

Человеку с самых ранних времен приходилось осмысливать окружающий мир. С первобытных времен фольклор является единственным источником, донесшим до наших дней те или иные сведения. Фольклор выступает как наиболее ранняя, соответствующая древнему и особенно первобытному обществу форма мировосприятия, понимания мира и самого себя первобытным человеком, как первоначальная форма духовной культуры человечества.

Фольклор выражает мироощущение и миропонимание эпохи его создания. Давно известно, большое

значение цвета, цветового восприятия в жизни человека. Жизнь полна тогда, когда она наполнена красками, цветами и оттенками. Начиная с древнейших времен, цвет был сильной, но все же неуловимой силой, определяющей поведение человека.

В первобытном обществе фольклор был основным способом понимания многокрасочного мира. Первобытный человек не только подвергался влиянию цветовых вибраций, но и пытался подражать им, обращаясь к ним за помощью в содействии его счастья или отращении зла. Древние народы объединяли цвета с природными силами. Например, красный цвет из-за своего ярко-красного отблеска символизировал огонь, оранжевый или золотисто-желтый представлял солнце, зеленый — весеннюю листву, голубой — небо и море.

Некоторые ученые утверждают, будто в истории развития народов имеются указания на пережитую ими всеми цветовую слепоту. Утверждают даже, что у некоторых отставших в культурном отношении народов она до сих пор существует. С другой стороны, у насекомых встречается способность распознавать цвета. В 1858 году молодой английский политик Уильям Юарт Гладстон утверждал, что греки были слепы на голубой цвет. Он основывает свое мнение на том, что у Гомера нет особого названия для голубого цвета. В доказательство частичной цветовой слепоты древних народов приводят тот факт, что в описаниях радуги некоторые цвета выпущены, а другие представлены. Однако необходимо отметить, что заключение о воспринимаемых цветах по разговорным их названиям слишком рискованно. Просматривая произведения современных поэтов, нередко можно найти самые противоречивые указания, вполне допускающие диагноз цветовой слепоты. Одно только кажется справедливым: как древние, так и новые народы, подобно новорожденным детям, менее чувствительны для цветов с короткими волнами, т.е. для зеленого и голубого. Вот почему так часто встречается неопределенность в названии и распознавании именно этих цветов. Негры Бонго во внутренней Африке называют все цвета с длинными волнами «красными», а с короткими — «черными». Чувство, воспринимающее цвета, развилось постепенно.

Древние народы объединяли цвета с природными силами. Цивилизации во все времена прибегали к цвету

как в ритуалах, так и в местах обитания. Французский этнолог и антрополог Клод Леви-Строс, отмечал, что «во многих австралийских и родезийских племенах во время церемоний по случаю похорон родственники умершего по материнской линии мажут лицо и тело красно-желтой краской и подходят к покойнику, тогда как родственники с другой стороны в тех же целях используют белую глину и держатся на некотором расстоянии» [2]. Такая социально-значимая цветовая трансляция связана со специфической цветовой символикой. Например, у примитивного народа идембу «черный — это зло, дурные вещи», но вместе с тем он обещает счастье в любви. Древние обряды посвящения включали ночные испытания: испытуемый переживал символическую смерть в темном месте, чтобы стать новым человеком, возродиться для жизни духовной. Даже в настоящее время дикари наносят на тело воинственную раскраску, чтобы испугать своих врагов. В не так далеко прошлом, они ради бус и тряпок ярких цветов распродавали свою собственность и пожитки. Для всех примитивных культур характерно наличие символических триад (например, белое — красное — черное). Немецкий поэт, просветитель, ученый и философ Иоганн Вольфганг Гете считал, что дикари, некультурные народы имеют большую склонность к цвету в его высшей яркости — желтый и красный. У них есть склонность к пестроте, когда краски сочетаются без гармоничного равновесия.

«Книга Бытия» и народная память говорят нам о потопе, закончившемся новым сверкающим рассветом, озаменованным радугой. Ее цвета открывают человеку чудесный секрет света и игры вибрационных сил, которые его порождают.

Основа любой народной культуры — мировоззрение народа, его представления об устройстве мироздания. Единство символического отражения мира у разных народов не случайно, а свидетельствует как об общности путей человеческого познания, так и о единстве самого познаваемого мира.

«Без сомнения, именно Китай, еще до шумерского периода и окрашивания этажей в зиккурат, дает первую символику красок, отвечающую запросам людей, организовавших первые общества» [3]. Так, в Китае зеленый цвет обозначает Восток, весну, лес и милосердие. Голубой символизирует Дао, священный путь, непостижимый принцип всего сущего. Красный — юг, лето, огонь, птица Феникс. Желтый — цвет счастья, императора.

Японцы наделяют цвета значениями особенно утонченными, превосходящими то, что человек в состоянии описать. Синтоистские школы открывают своим посвященным следующие соответствия:

- Черный цвет (Куро) и фиолетовый (мурасаки) — Север — Ара-митами — основа, первопричина, рай.
- Голубой и зеленый (ао) — Восток — Куши-митама — жизнь, творение.
- Красный (ака) — Юг — Сачи-итама — гармония и экспансия.
- Белый (Широ) — Запад — Нижи-митама — интеграция и продвижение вперед.

— Желтый (Ки) — Центр — Нао-Хи (лучи солнца) — создатель, единство.

Пятицветный спектр доминирует в ритуалах и традициях. Император преподнес богу Ками в подарок отрезки тканей всех пяти цветов — стяги состоят из полотнищ пяти цветов, исполнители некоторых ритуальных танцев носят пятицветные повязки с колокольчиками.

Единой системы, устанавливающей определенное символическое содержание за каждым цветом, не существовало ни в одну эпоху.

У древних евреев хитон из белого льна символизировал чистоту Жреца, совершающего жертвоприношение и божественное правосудие. Белый был цветом весталок (жрицы, нарушившие обет целомудрия, сжигались живьем), друидов, посвященных. Серый символизировал траур. Древние евреи посыпали себя пеплом, чтобы выразить свою скорбь во время похорон.

В Египте зеленый цвет приписывался Птаху, символу созидания и равновесия в природе, и воде, являвшейся в египетской космогонии основой сотворения мира. Зеленый цвет обозначал начало Времени и Мироздания и символизировал материальное и духовное рождение, таинство посвящения. Древние египтяне носили одежду определенного цвета в зависимости от рода занятий и местонахождения. На всех памятниках Египта, можно увидеть голубоватый или сероватый фон и писанные на нем фигуры в 7 цветов: синий, зеленый, красный, коричневый, белый и черный, причем иные имеют некоторые градации интенсивности. Фиолетовые, бурые, смешанные цвета египтянами не употреблялись. Мужчин писали темно-красными красками, а женщин — бледно-желтыми [4, с. 27].

Ранние индейские цивилизации использовали различные цвета, чтобы воздействовать на настроение.

Греки в древности употребляли только 4 краски: желтую, черную, белую и красную. Древние греки считали, что краски обозначают темперамент: красный — сангвиник, желтый — холерик, белый — флегматик, черный — меланхолик. Пестрые персидские материи, финикийские пурпурные и шелковые считались роскошью в одежде. Но белый цвет греки носили предпочтительнее [4, с/ 115–120]. В Древней Греции синий — мужской цвет.

Наиболее пристойным цветом в Древнем Риме почитался белый, красный был цветом военачальников, знати, патрициев и императора Рима, этот символ верховной власти унаследовали кардиналы. Впоследствии цвета стали подчиняться моде. Одной из драгоценнейших красок в одежде считалась пурпурная. Цельную пурпурную одежду мог носить только император и его ближайшие сановники [4, с. 161]. В Перу красный цвет связывался с войной и был цветом солдат.

В Испании в конце XV века белый символизировал радость и удовлетворение, зеленый — надежду, синий — бешеную ревность, пурпурный — радость и удовлетворение, желтый — недоверие, измену.

В средние века красный цвет одновременно считался и цветом злости и стыда. Рыжие борода и волосы считались признаком предательства. Рыжий цвет симво-

лизировал во всех мифологиях животные наклонности в человеке, чрезмерную плодовитость, извращение, возжелание и их последствия: невоздержанность, жестокость, эгоизм. Символ Тифона (чудовище, которое, обьявив войну богам Олимпа, развязало вражду между силами Света и Тьмы). В то же время, согласно другим средневековым источникам, красной бородой наделялись положительные персонажи. Разногласие в символическом содержании цветов объясняется пересечением религиозной символики с народной. Если первая из них имела своим истоком религиозные учения, легенды и сказания, то народная символика была итогом отражения в сознании народа преимущественно красок окружающей природы.

Во многих странах евреи должны были носить желтые одежды, потому что они предали своего Господа. Во Франции марали желтым цветом двери изменников. В иконографии одежда Иуды также желтого цвета.

Основными цветами западногерманской церкви были белый, красный, зеленый, черный, голубой. Белый цвет символизировал чистоту и непорочность, зеленый — надежду на бессмертие души, голубой — печаль, красный — кровь святого. Вместе с тем, эта символика встречается в сказках и в легендах многих народов, где зелень является символом надежды, потому что связывается в нашем сознании с молодостью, ростом; красный цвет символизирует любовь, потому что это цвет крови, огня; белый — символ невинности, потому что это чистота, свет; черный — символ траура, потому что связывается в сознании с мраком, тьмой.

Символизм — важная характеристика западноевропейской культуры. Каждый цвет в одежде имел свое назначение: голубой трактовался как цвет верности, зеленый — как новой любви, желтый — как цвет враждебности. Информативными представлялись тогда западноевропейцу и сочетания цветов, которые передавали внутренний настрой человека, его отношение к миру.

Не случайным был выбор цветовых сочетаний в одежде у древних русских. Чаще всего исполнялась красная вышивка по белому полю. При этом, красный цвет символизировал мужское начало, а белый — женское. В народном представлении любовь и брак, последующая семейная жизнь были также связаны с образами огня и земли, а муж и жена их олицетворяли. «Белый цвет в древности понимался как »сияющий белизной« и сравнивался со светом, но не отраженным, а излучаемым изнутри, то есть обозначал светоносность предмета. Одним из его символов была льняная холстина с ровной серебристой поверхностью... Красный, »жаркий« цвет символизировал не только солнце, но и небесный огонь»... [5]

В России до XIX века свадебный наряд невесты во время «печальной» части свадьбы состоял из белого, а в «веселой» части — преобладал красный цвет. Символическое значение цветов, виденных во сне у русских крестьян таково: белый — чистота, невинность, прямота, радость; красный — любовь, пылкость, стыдливость; желтый — слава, роскошь, непостоянство; го-

лубой — благочестие, мудрость, чистота чувств, небо; черный — печаль, траур, смерть; пурпур — власть, могущество; розовый — молодость, нежность, веселье; зеленый — надежда; лиловый — чистая любовь, соединение розового и голубого, т.е. нежности и чистоты чувств; фиолетовый — небесное могущество, соединение красного и голубого, т.е. пылкости и небесной мудрости; оранжевый — честолюбие, любовь к славе; серый — грусть, задумчивость, мечтательность; темно-коричневый — глубокое горе; блеклый, желтый — старость [6].

В сборнике пословиц и поговорок, собранных писателем, этнографом, лингвистом, лексикографом Владимиром Ивановичем Далем по всей России в середине XIX века, можно найти пословицы и поговорки о цвете, которые говорят о восприятии цвета русским народом той эпохи. Даль в словах, пословицах, картинах быта дал точный, фотографический снимок русского мира середины XIX века, запечатлеть жизнь нации в малейших деталях и проявлениях. Через восприятие цвета можно увидеть портрет народного мышления в его слитности, неразрывности, полноте, поразительную глубину народной философии. Приведем некоторые из них: на вкус, на цвет мастера нет (т.е. такого мастера, который бы одним на всех угодил); бела, как колпица, как лебедь; бела, румяна — ровно кровь с молоком; белые ручки чужие труды любят; мыло серо, да моет бело; черная коровка дает белое молочко; не краса корове, что часты пестрины; бел, как лунь, как лат (полотно, скатерть, полотно), как стена, как снег; белее снега белого; рубашка беленька, да душа черненька; свет бел, да люди черны; черен, как сажа, как уголь, как смоль, как ворон, как ночь, как земля; чернее грязи, сажи, угля и пр.; черный глаз, карий глаз — минуй нас!; белое — венчалное, черное — печальное; черен мак, да бояре едят; полюби-ка нас вчерне, а вбеле-то (вкрасне) и всяк полюбит; дела, как сажа, черны (или белы); черных кобелей набело перемывать; ал цвет мил на весь свет; алый малый — синь кафтан; красен, как свекла, как морковь, как клюква, как маков цвет; красно поле рожью, а речь ложью (т.е. красным словцом); рыжий, как огонь; покраснел, как рак; рыжий да красный — человек опасный; красное солнышко на белом свете черную землю греет; зелен, как трава; зеленой горькой полыни; желт, как имбирь; желтей желта золота; синий, как китайка (как кумач); сия пороху во рту не было; седой, как лунь (птица, род ястреба), как ковыль, как иней; казенная краска (трехцветная или серая, желтая, как заборы красят); красным-краснешенек, желтым-желтешенек и т.д. [7]

На полихроматизацию языка фольклора русского и башкирского народов, живущих на одной территории, повлияла, несомненно, многокрасочность природно-географической среды, а также доступность растительных и минеральных красителей.

Башкирский орнамент, был единственной формой художественно-изобразительного творчества. Колористическое решение узоров — ярчайшее проявление национальной самобытности в искусстве. Башкирский

орнамент почти всегда многоцветен с преобладанием цветов: красного, зеленого, желтого. Реже применяются синий, голубой, лиловый цвета. На цветовую гамму оказало большое влияние появление новых красителей. Их применение разрушило традиционный колорит, который строился на более сдержанных цветовых сочетаниях, так как до появления анилиновых красителей башкиры использовали натуральные. В создании традиционного колорита участвовали натуральные цвета шерсти — белый, серый, черный. Сопоставление цветов в башкирском орнаменте было контрастным — на красном фоне — зеленый и желтый узор, на черном — красный и желтый, значительно реже — белый цвет холста. Это объясняется, возможно, кочевым образом жизни и окружающей яркой многокрасочностью природы.

Китайцы разработали энергетическую теорию человека, основываясь на наблюдениях за природой. Так было выявлено пять основных элементов жизни: Дерево, Огонь, Земля, Металл. Вода. Они установили следующие соответствия:

- дерево — восток — весна — печень;
- желчный пузырь — гнев — зеленый;
- огонь — юг — лето — сердце;
- тонкий кишечник — радость — красный;
- земля — центр — конец лета — селезенка;
- желудок — заботы — желтый;
- металл — запад — осень — легкие;
- толстая кишка — грусть — белый;
- вода — север — зима — почки;
- мочевой пузырь — страх — черный.

Литература:

1. Жирмунский В. М. Фольклор Запада и Востока: Сравнительно-исторические очерки. М., 2004.
2. Lev-Strauss Claud. *La Pensee sauvage*. — Paris: Ploп, 1962. — P. 87.
3. Дерибере М. Цвет в деятельности человека. — М.: Стройиздат, 1964.
4. Гнедич П. П. Всемирная история искусств. — М.: Современник, 1999.
5. Дурасов Г. П. Каргопольская глиняная игрушка. — Л., 1986. — С. 119–120.
6. Полная энциклопедия быта русского народа, составленная Иваном Панкеевым. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1998. — С. 546–547.
7. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля: В 3 т. Т. 2. — М.: Русская книга, 1993. — С. 326–327.

В архаический период (VIII–VI веках до н.э.) воплощением гармонии и красоты выступает космос. Космос для древних народов был чувственно материален, т.е. видим, слышим и осязаем. В представлении о мироздании — космологии интересно соотношение знаков Зодиака с различными цветами. Уже тогда было известно, что каждый цвет имеет определенное психологическое значение, и для астролога того времени нахождение таких аналогов психического в материальном и духовном мире являлось необходимым инструментом для работы с человеческой душой. Каждому знаку Зодиака были приписаны различные цвета. Например, статичные цвета (красный, желтый, голубой, синий) соответствовали четырем фиксированным знакам: Тельцу, Льву, Скорпиону и Водолею.

Таким образом, фольклор — это важнейшее явление культурной истории человечества, поэтому значение фольклора для самосознания человечества очевидно. Основа любой народной культуры — мировоззрение народа, его представления об устройстве мироздания. Единство символического отражения мира у разных народов не случайно, а свидетельствует как об общности путей человеческого познания, так и о единстве самого познаваемого мира. Сначала истории культуры человечества цвет остается силой, определяющей поведение человека. Цветовая гармония в фольклоре разных народов является воплощением представления о мировом культурном единстве. Поэтому роль полихроматизации языка фольклора является социально-значимой в межкультурном пространстве.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Мифо-фольклорные образы в художественной литературе (на материале казахстанской прозы 60–80-х гг. XX века)

Джамбаева Жанар Абинсериковна, доктор филологических наук, доцент
Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан)

Толемысова Куралай Муратовна, магистр педагогических наук, преподаватель
Государственный университет имени Шакарима города Семей (Казахстан)

Казахстанская проза 60–80-х годов XX века — это важный период в развитии отечественной литературы, имеющий ряд особенностей, связанных с изменениями, которые появились в общественно-политической жизни страны. Такие важные проблемы, как процесс духовного формирования личности, понимание ими социальных и духовных связей в обществе, пробуждение в людях гражданского чувства, личной ответственности за происходящее в жизни вызывали живой интерес у писателей 1960–80-х годов. Они часто обращаются к внутреннему миру человека, к состоянию его души для того, чтобы увидеть, насколько велик нравственный потенциал человека.

В данный период жизнь в Казахстане была настолько сложной, насыщенной и эмоциональной, что изменился нравственно-психологический облик человека. Причиной заметного изменения, развития и обогащения художественной литературы этого периода являются напряженный ритм жизни, высокий интеллектуальный уровень человека, огромный поток информации. Девизом казахстанских писателей 1960–80-х годов является потребность поиска своих национальных форм художественности, возвращение своих примеров позитивного нравственно-духовного опыта. Об этом свидетельствует творчество А. Кекильбаева, С. Санбаева, А. Алимжанова, М. Симашко и др.

Прежде чем приступить к анализу художественных текстов с точки зрения мифологии, необходимо узнать о казахской мифологии в целом, т.е. существуют ли казахские мифы подобные Одиссею или Гераклу, которые мы знаем с детства? Можно сказать, что миф тесно связан с фольклором в своих истоках. По мнению исследователя З. Наурызбаевой, «в отличие от мифологии древней Греции, например, у казахов кроме ряда космогонических, астрономических и этиологических мифов нет того, на что можно просто указать, как на мифологию. Мифологические образы, сюжеты и представления содержатся в фольклорных текстах, обрядах, орнаменте, музыке, сакральной архитектуре и нуждаются в вычленении и оформлении, экспликации» [1].

В 1960–80-х годах XX века устно-поэтические традиции (и сюжеты) включаются в социально-психологическое повествование, наблюдается своеобразная трансформация мифологических коллизий, поэтики, сказаний. Возрастает роль мифа, легенды, притч в осмыслении литературой неразрывной связи времени, прошлого и настоящего, взгляда в будущее; формируются новые жанровые объемы; возникает новый тип перспективы в структуре произведений; углубляется представление о человеке и мире и т.д.

По словам Панченко И. Г., «мифологические образы не противостоят реалистическому восприятию жизни. Они служат обнаружению в нем извечных общечеловеческих ценностей» [2, с. 186]. Таким образом, мифо-фольклорные образы становятся тем сосудом, который никогда нельзя ни опустошить, ни наполнить и сохраняются в течение тысячелетий, требуя все нового истолкования.

Казахская литература имеет свою национальную идентичность, свою систему изблюбленных, устойчивых образов, характеризующих ее эстетическое своеобразие. Так, мифологичность в казахской литературе можно проследить через образы животных. Как отмечает Е.Л. Мадлевская, «роль животных в мифологии чрезвычайно велика и определяется тем исключительным значением, которое они имели на ранней стадии развития человечества, когда люди еще не выделяли себя из ряда живых существ и не противопоставляли себя природе. Во многих культурных традициях животные обожествлялись и, как священные, помещались на вершину социальной иерархической лестницы. У многих народов широко были распространены мифологические представления о животных-родоначальниках человеческого коллектива, а также о животных как особой ипостаси человека» [3]. У казахского народа наиболее почитаемыми издревле считались четыре вида скота, т.е. «*төрт тулік*». Эти животные имели своих духов-покровителей: *покровитель верблюда — Ойсыл Кара, овцы — Шопан-ата, коровы — Зенге баба, лошади — Жылкышы-ата.*

Изображая народную жизнь, затрагивая философские проблемы войны и мира, добра и зла, известный казахский писатель А. Кекильбаев вплетает в ткань повествования известные мифы о старцах древней земли Мангыстау.

В сюжете повести «Баллада забытых лет», перерабатывая древний миф о Темир-баба, автор создает свою легенду. Когда Жонеут впервые отправился с сыном Даулетом на охоту, по дороге они остановились у могилы святого Темир-баба и почтили его память. С этого момента начинается повествование о Темир-баба: «*В до-стопамятные времена возвращавшийся из Хорезма Шопан-ата повстречался с Темир-баба. Темир-баба сидел на камне, опустив натруженные ноги в ласковые волны. Он издали услышал шаги, но не шелкнулся. Странник приблизился, встал за его спиной, учтиво поздоровался. Темир-баба не отводил глаз от моря. Шопан-ата назвал себя и, справившись, кто перед ним, предложил Темир-баба потягиваться в могуществе*» [4, с. 548–549]. Далее писатель подробно описывает волшебные действия Темир-баба и Шопан-Ата. Известно, что Шопан-ата был покровителем овец. Жизнь казахов была невозможна без животных, они были едиными и неразрывно-связанными. А Темир-баба считался владыкой воды и был святым периода исламизации Мангыстау. Основной идеей повествования о Темир-баба является состязание духовной магической силой его с Шопан-ата, но главная особенность — это превращение моря в землю за спиной Темир-баба. Писатель, включая в ткань художественного произведения миф о Темир-баба, связывает его с сюжетом повести. Здесь четко прослеживается параллель: если в повести между казахами и туркменами шла междоусобная борьба, то в мифе о Темир-баба идет состязание силы и духа между святыми.

Таким образом, включение автором в ткань повествования мифологического сюжета подтверждает тот факт, что использование притчевых форм несет в себе большие художественные возможности. Он в данной повести служит нравочением для сына Жонеута — Даулета. Отец хотел, чтобы сын опомнился и бросил играть на дутаре, как и Темир-баба вовремя остановился, превращая море в сушу. Кок-боре, брат Жонеута, передразнивая Даулета, говорит ему: «*От таких песенок казах не убежит...а он должен дрожать и бежать при виде нас*» [4, с. 583]. Жонеут, соглашаясь с братом, считает, что если он дальше будет заниматься музыкой, продолжит играть на дутаре, то казахи воспользуются его чувствами и слабостью. Не случайно Жонеут привел Даулета на могилу Темир-баба. Он сделал это для того, чтобы Даулет приблизился к могиле и знал, что эта могила стоит неотвратимой памятью и грозным напоминанием о достоинстве, долге и чести.

Писатели-шестидесятники часто обращались к образу коня. Культ коня и его идаелизация, характерный для казахского народа, во всех своих ипостасях отражен в следующей повести А. Кекильбаева — «Хатынгольская баллада», где он воспринимается не только как спутник, но друг своего хозяина, верный союзник и по-

мощник: «*Когда густая белая пыль обволакивала все небо и нарастал гул миллионов копыт, под которыми прогибалась земля, серый конь его начинал горячиться, подплясывать и нетерпеливо мотать головой, прося повод, и он с трудом сдерживал его и себя*» [4, с. 601]. Конь — это не просто домашнее животное, обладающее утилитарными функциями: помощь в хозяйстве, обеспечение натуральными продуктами. Если в хозяйстве у казаха был конь, то многое он мог преуспеть в жизни. Можно сказать, что между хозяином и конем существует тесная связь и взаимопонимание. К примеру, «*Когда сивый жеребец снова склонил голову, он увидел, что верзила с обнаженной, заросшей черными волосами грудью одолел его хозяина, сопя, взгромоздился на него... Охваченный отчаянием, звал на помощь Кок-боре. Дюймкара, не обращая внимания на крики, смахивал со лба пот и деловито орудовал ремнем. Сивый аргмак, выпучив глаза, кружился поодаль, боясь приблизиться к связанному, распластанному на землю хозяину, на котором восседал свирепый Дюймкара... Сивый жеребец с диким ржанием метнулся к могиле, взвился на дыбы и припустился рысью*» [4, с. 540]. Такое взаимопонимание, осознаваемое, скорее всего на подсознательном уровне, помогает героям преодолеть тот страх, который поглощает их с невероятной силой, страх перед смертью. И конь и хозяин (Кокборе) надеются не только на себя, но и друг на друга.

В казахской литературе образ коня интерпретируется древностью мифологических традиций. «Конь символизирует космос во всем его многообразии» [5, с. 32]. Так, в казахской прозе образ коня, сохранив фольклорно-эпические черты, получает различные интерпретации: 1) конь как неизменный спутник и друг; 2) конь как спаситель; 3) конь как символ жизни.

О роли коня в мифологии высказывался Пропп В. Я.: конь в мифологии — священное животное, воплощение связи с миром сверхъестественного, с «тем светом» [6, с. 123]. Конь часто выступает постоянным спутником мифологических персонажей, т.е. богов и святых. Они на конях передвигаются по небу и из одной стихии или мира в другую. Это свидетельствует о том, что конь символизирует самый верхний мир.

Образ верблюда часто встречается в фольклорных произведениях казахского народа. В повести С. Санбаева «Белая аруана» главный персонаж — верблюд раскрывает основную идею произведения.

В художественном мире писателя традиционные фольклорные представления наполняются новыми смыслами. В повести «Белая аруана» верблюдница символизирует верность родному краю, родине. Необходимо отметить, что верблюд считается одним из четырех священных животных. Он отражает особенности мировосприятия казахского народа и почти во всех мифологических традициях предстает как символ объединяющего начала.

В данной повести автор подробно описывает могущество верблюда: «*Неизвестно, что помогало ей безошибочно выбрать дорогу: то ли долгими месяцами*

вязала она, укладывая в памяти этот кратчайший, но опасный путь через солончаковые озера и бугры, то ли вел ее могучий инстинкт» [7, с. 28].

Верблюды как мифологический образ выступают символом единства бытия и космоса. Он, так же, как и конь, связан с мифами о Первотворении и законами космического устройства: «...И Мырзагали видел, что аруана очень переменилась... И старик, хорошо знающий повадки белой верблюдицы, с тревогой смотрел на нее, пытаясь отгадать ее намерения... И пришел этот час...» [7, с. 25].

Наиболее характерным приемом изображения человека в фольклоре является очеловечивание, т.е. антропоморфизм. В повести прекрасная аруана одухотворяется, приобретает психологические черты, присущие человеку, встает перед нами как живой и незабываемый образ, олицетворяющий преданность и любовь к земле, давшей ей жизнь: «Подошел светло-серый верблюжонок, ткнул носом в затвердевшие ноги матери, стал рядом, прижавшись к ее боку. Аруана повернула голову, нашла его и обнюхала. Далекие родные белые горы, объятые белым, как молоко, звали ее. Она нежно проворчала, верблюжонок отозвался и послушно двинулся за ней. Уверенно спустилась она с холма и обошла стадо» [7, с. 26].

В данном контексте имеют место ярко выраженный характер, анимализм и антропоморфизм, изображение животных в искусстве и представление явлений природы в человеческом образе, своего рода очеловечение. Как будто перед нами изображается не верблюдица с верблюжонком, а мать с ребенком, тоскующие по родине. На наш взгляд, автор, изображая животных, хотел показать любовь к родине тех людей, которые по каким-то причинам находятся вдали от своей родной земли. Здесь отражаются оставшиеся от предыдущей эпохи представления о патриотизме по распространенному клише «Родина — мать зовет». Так, родина и мать — это начало, источник жизни, это самое дорогое и близкое для каждого человека. Можно сказать, что повесть «Белая аруана» является глубоко философичной.

Таким образом, пристрастие казахстанских писателей к тому или иному образу животного кроется в особенностях мышления казахского народа, сложившегося в результате кочевого образа жизни. Жизнь в открытом космосе, отсутствие четких границ привели к восприятию мира как единого, большого дома людей и животных, в результате чего явилось ощущение кровного родства с животными.

Основным архетипическим образом в древнетюркской мифологии считается образ шаманов. В повести «Баллада забытых лет» А. Кекильбаева можно указать на генетическую связь образа главного героя *кюйши* с образом мифического и легендарного Коркута, который с помощью своего магического инструмента *кобыз* тщетно пытался победить время и достичь бессмертия. Кюйши искусной игрой на домбре повествует о трагической гибели сына Жонеута, о жестокости и бессмысленности межнациональных распрей, сеющих вокруг смерть.

А. Кекильбаев не только переосмысливает притчу-кюй (фабульный музыкальный жанр казахского фольклора), повесть деавтоматизирует фабулу, кюй, более того, наполняет жизнью мертвую схему фольклорного жанра. Писатель создает свою интерпретацию жанра *кюй-аныз* (кюй-легенда), создав образ жестокого воина и простого человека. В пределах фольклора жанр повторяется, сохраняя все свои «правила»: «кюйши-музыкант — талантливая жертва, Жонеут — жестокий тиран». Таково черно-белое (положительно-отрицательное с самого начала) изображение фольклорного жанра» [8, с. 343].

Можно сказать, что музыка (кюй) неподвластна смерти своего творца. Герой в повести умирает, как и Коркут. Это не просто музыкант, но и человек, сумевший передать чувства и переживания народа на подсознательном уровне. К таким людям издревле относились с почтением, считая их представителями духов.

Мелодия домбры, проникая в глубину души, победила Жонеута, но не спасла от смерти кюйши. Домбра как бы призывала к миру, дружбе и согласию. Кюй — это выражение духа казахского народа, звучащая нить, связывающая прошлое и настоящее: «*күй қыршын кеткен боздақтарын, қаңырап қалған қара шаңырағын, жападан-жалғыз қуарып қалған қу басын бәрін-бәрін есіне салды*» [9, с. 110]. Так, в повести «И вечный бой» С. Санбаева также можно встретить описание застолья, которое сопровождается кюй (музыкой): «*Шумнее всех аул старого Отара, где у костров взлетают вверх суровая боевая песнь воинов и льются безудержно кюй со струн домбры, рассказывая о победах. Женщины без передышки разносят по достарханам мясо и пенистый хмельный кумыс*» [7, с. 49].

Немаловажным образом мифологии казахского народа является образ джинов (нечистой силы). В художественной ткани повести «Баллада забытых лет» можно встретить и метафорическую интерпретацию демонологических персонажей мифологии — *шайтанов* и *джинов*. Они выступают не как самостоятельные образы, а как средство художественной выразительности и экспрессивности: «*Что тогда началось! Длинные пики, которые только что прокалывали тела, начали тыкаться в окна домов, эти слепые глаза шайтана. Тяжесть дубин крошила двери, кривые сабли повисли над затылками стариков, женщин и детей*» [4, с. 601]. Или же: «*И как бы ни было много их, монгольских, облаченных в овечьи шкуры воинов, как бы ни копошились они вокруг, они были бессильны против хитростей этой дьявольской крепости, наскакивали и тут же откатывались назад*» [Там же, с. 619].

Мифологический образ *джина* служит выражением народных суеверий и представлений о людях талантливых и незаурядных. Так, согласно поверьям джины вселяются чаще всего в шаманов, представителей искусства и акынов-импровизаторов: «*Душа Даулета — обиталище джинов. Они заставили его забыть честь и кровные обиды...*» [4, с. 544]. Или же: «*И тогда ему вспомнилось*

бедняга Кок-боре. Не такой уж он был наивный, когда не уставал твердить, что кюйши и бахши — порождение нечистой силы. Не помогай им дьявол, могли бы они околдовать толпу?» [Там же, с. 569].

Таким образом, писатели-шестидесятники в своих произведениях плодотворно используют фольклорно-мифологические образы. Они являются свидетелями недавнего прошлого и раскрывают современникам собственное видение пережитого и выстраданного, по-

казывая глубину и многогранность происходящего. Присутствие фольклорно-мифологических отголосков в прозе — не просто цитирование, призванное создать эмоциональный настрой определенного эпизода, но сюжет, который сопровождал весь период повествования, а также служит истоком для его индивидуальных художественных открытий. Поэтому, можно сказать, что люди «жаждут мифа», чтобы перебросить мост от прошлого к настоящему на своем пути в будущее.

Литература:

1. Наурызбаева З. Солнечный герой казахской мифологии // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://otuken.kz/солнечный-герой-казахской-мифологии/>.
2. Панченко И. Г. О фольклорно-мифологических традициях в современной многонациональной советской прозе // Взаимодействие и взаимообогащение. Русская литература и литературы народов СССР. — Л.: Наука, 1988. — С. 185–207.
3. Мадлевская Е. Л. Русская мифология. Энциклопедия // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://info.wikireading.ru/36858>.
4. Кекильбаев А. Конец легенды. Роман и повести. Перевод с казахского. — Астана: Аударма, 2009. — 656 с.
5. Золя Э. Экспериментальный роман // Собрание сочинений в 26 томах. — Т. 24. — М., 1966. — 358 с.
6. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. — М.: Лабиринт, 2000. — 509 с.
7. Санбаев С. Собрание сочинений в 6 томах. Повести и рассказы. — Астана: Агроиздат, 2009. — 436 с.
8. Исмакова А. Казахская художественная проза. Поэтика, жанр, стиль (начало XX века и современность). — Алматы: Ғылым, 1998. — 394 с.
9. Кекілбаев Ә. Ханша-Дария хикаясы. Балладалар мен роман. — Алматы: Атамұра, 2003. — 320 б.

Мотив двойничества в пьесе Франца Верфеля «Человек из зеркала»

Самоленкова Анна Андреевна, студент

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

В данной статье рассматривается реализация мотива двойничества (Doppelgängerheit) на материале экспрессионистской пьесы Франца Верфеля «Человек из зеркала». В процессе анализа образов раскрывается сущность двойника Тамала, а также причины, характер и исход антагонизма этих фигур.

Ключевые слова: Человек из зеркала, Верфель, двойничество, экспрессионизм.

Зеркало часто являет собой символ как в литературе, так и в искусстве в целом. Этот предмет, окутанный легендами, издревле был источником всяческих видений и воспринимался как портал для связи с параллельным миром: при этом в некоторых суевериях считается, что в зеркале можно увидеть отражение дьявола или случайно попавшие туда души умерших. Не последнюю роль оно сыграло и в формировании мотива двойственности, своеобразного раскола личности в процессе духовной борьбы в пьесе Франца Верфеля «Человек из зеркала».

Пьеса поделена на три акта, каждый из которых изображает этап развития протагониста. Как странник, от действия к действию Тамал следует к становлению личности через самопреодоление. Ницше писал, что человек является канатом, натянутым между животным и сверхчеловеком [1, с. 237]: так и Тамалу даётся шанс, непосредственно познакомившись со своим животным началом, максимально приблизиться к духовному.

Протагонист, полагая, что создан ради божественной цели (самообожествление, свойственное Тамалу в первой половине пьесы, Верфель представляет как «архигрех» [2, с. 129]), приходит в монастырь, чтобы отказать от всего мирского и отдаться духовному существованию. Перед этим Тамалу необходимо пройти испытание, но, не справившись с искушением, он срывает завесу с зеркала и высвобождает оттуда своего двойника. Этот этап становится решающим в его становлении: он жил в заблуждении и не подозревал о существовании такой своей грани. Так происходит раздвоение образа протагониста на 2 фигуры: с одной стороны — Тамал и его порыв к духовному очищению, с другой — его зеркальное отражение, двойник, воплощающий все его эгоистические и суетные порывы и черты, «его от греха сквозь грех к убийству влачащий» [3, с. 29]. Несмотря на некоторую ограниченность драматических произведений в художественно-выразительных сред-

ствах в силу их структуры, автору с первого появления отражения удаётся передать различность персонажей с помощью экспрессивного синтаксиса: начальные реплики двойника состоят исключительно из одноставных восклицательных предложений, а ответ на них Тамала — из двусоставных и более осмысленных в лексическом плане.

По сути, обе фигуры являются воплощением одного «я»: они выглядят идентично и даже одеты одинаково (хотя в одежде двойника больше чего-то «*шарлатански-кричащего*» [3, с. 36], как и в его поведении и манере разговора, что формирует неприятный макабрический образ), но в то же время они противопоставлены как «я-настоящее» и «псевдо-я», как присущий человечеству порыв к высшему и препятствующий ему внутренний импульс. Здесь реализуется классическая архетипичная антитеза «антагонист» — «протагонист». Их борьба разворачивается на протяжении пьесы, как и борьба человека с самим собой — в течение всей жизни. В этой связи уместно отметить, что противостояние фигур в пьесе действительно происходит лишь в воображении Тамала, что возможно благодаря её многоплановости: всё общение с двойником не является реальным для протагониста. В своей реальности он ранен двойником, становясь всё ближе к физической смерти с каждой маленькой победой человека из зеркала.

Учитывая своеобразную противопоставленность и одновременно общность данных фигур, имеет смысл обратиться к понятию «дoppelgänger» (нем. Doppelgänger) — вымышленный двойник, чьей целью является подавление индивидуальности и заглушение развития личности [4, с. 2]. Центральный мотив пьесы — мотив двойничества (нем. Doppelgängerheit), — нашёл отражение в богатой традиции немецкой и европейской литературы. Недаром Верфель причислял данную пьесу к средневековому жанру мистерии (Mysterienspiel): тогда как действие в трагедии разворачивается только между отдельными индивидами, действие в «человеке из зеркала» — внутри осмысляющего самого себя индивида [5, с. 251].

Человек из зеркала, будучи дoppelгэнгером Тамала, обманом или магией убеждает его отказаться от каких бы то ни было благородных побуждений. Поддавшись чарам и лести персонального Мефистофеля, Тамал убивает отца, предаёт друга и осуждает его жену на вечные муки, нарушает покой в государстве. Так как он экспрессионистский герой, ему присуща доля самоанализа, в результате чего читателю предоставляется возможность наблюдать за терзаниями грешника на пути к очищению. Вскоре он начинает чувствовать вину: именно так и пошатнулась гегемония двойника.

Доказательством прозрения Тамала можно считать тот факт, что он вновь почувствовал свою реальную рану, находясь притом глубоко в сознании в иллюзорном измерении. Интересно отметить, что дoppelгэнгеры часто преследуют своих двойников («я-настоящих»), и это становится прелюдией к их убийству. [4, с. 69], что и наблюдается в данной пьесе. Таким образом, ощущение раны Тамалом можно считать сигналом как приближаю-

щегося осознания морального проигрыша, так и смерти в своей реальности. Осуждая себя, Тамал всё дальше отдаляется от своего двойника, и всё существеннее становится антагонизм между ними.

Яркой в этом плане является сцена суда над самим собой, в которой все обвиняемые прощают грехи Тамала, но зрелище своего брошенного сына-инвалида привело протагониста к окончательному решению — смертному приговору. Здесь проявляет себя сущность экспрессионистской драмы преображения (Wandlungsdrama), которой свойственно «пробуждение» героя с точки зрения религиозно-этических позиций. Тамал переживает окончательную внутреннюю трансформацию — легкомысленное юношеское рвение сменяется самокритичной зрелой рассудительностью и способностью отвечать за свои поступки. В завершении сцены суда прослеживается аллюзия на диалог в конце сцены в темнице из «Фауста» Гёте. «*Gerichtet!*», (осуждён) — заявляет Тамал по завершении суда, однако в действительности он «*gerettet*» (спасён), как Гретхен в «Фаусте». Герой освобождается от пут заблуждений и тщеславия, которые автор обвиняет своим произведением и выносит на суд общественности.

Сцена в тюрьме становится пиком антагонизма персонажей, что заключается в решающем споре Тамала с двойником о приговоре и раскрывается далее в монологе дoppelгэнгера о двух силах жизни. Принимая разные облики, как герои средневековых мистерий, человек из зеркала силится убедить Тамала сохранить себе жизнь в иллюзорном измерении: если Тамал лишит себя жизни там, то погибнет и дoppelгэнгер. Он пытается прельстить подсудимого обилием благ и радостей — «жизненной силой» [3, с. 215], но «воля к смерти» [3, с. 215] Тамала остаётся непоколебима.

Противопоставление героев в целом и их спор в частности также имеют психоаналитический подтекст (типичный для сюжетов экспрессионистов): две жизненные силы — Эрос (стремление к жизни) и Танатос (инстинкт смерти), — по утверждению Фрейда являются неотъемлемыми частями человеческого естества, которые находятся в состоянии непрерывной борьбы друг с другом [6, с. 529]. Эрос, призывая подчиняться принципу удовольствия, пытается повлиять на Танатос, устремляющийся к начальному естественному состоянию — смерти. Эти же позиции выражают герои пьесы. Тамал ставит себе в вину то, что «*человека отравил в грядущем*» [3, с. 198], он не в состоянии простить себе совершённые грехи и отдаться праздности жизни, как советует ему дoppelгэнгер, поэтому видит исход только в самоубийстве. Моральный поединок фигур завершается победой Тамала: вернувшееся чувство своей раны становится для него «блаженством», возвращением в реальность и провозглашает кончину двойника. Через страдания и боль протагонист стремится очиститься от прошлого и вырваться из оков греха, примириться душой с Абсолютом, так как в основе пьесы заложена основная христианская идея искупления.

На данном этапе двойничество героев прекращает своё существование, даже отражение Тамала в зеркале исчезает. По идее автора, человек из зеркала, своео-

бразный двойник-искуситель, подобный Мефистофелю, олицетворяющий все отрицательные качества оригинала, — неотъемлемое существо в жизни каждого обычного человека. Тамал же, избавившись от этого элемента искажённого бытия, провозглашает прозрение и личную победу над пороком, освобождает своё настоящее истинное «я», не очернённое грехом, и достигает последней ступени развития в рамках монастыря и личного идеала — «*Спаситель Мира*» [3, с. 30].

Итак, «магическая трилогия» включает в себе христианский мотив, который роднит её с произведениями

Достоевского и Толстого. Однако его реализация через специфическую двойственность протагониста в русле традиций экспрессионизма даёт возможность проблеме сосуществования в человеке духовного и животного начал, изображённой в манере пафосной декламации как чисто символический жест, развиваться в новом русле. Так как противопоставление само по себе является сильным выразительным средством воздействия на читателя, яркий контраст Тамала и его доппельгенгера является осязаемым и за счёт этого транслирует морализаторскую идею.

Литература:

1. Bernd Oei. Eros und Thanatos: Philosophie und Wiener Melancholie in Arthur Schnitzler's Werk. —: Springer-Verlag, 2016. — 251 с.
2. Ian R. Boyd. Dogmatics Among the Ruins: German Expressionism and the Enlightenment as Contexts for Karl Barth's Theological Development. —: Peter Lang, 2004. — 349 с.
3. Верфель Фр. Человек из зеркала. —: Государственное издательство Петербург — Москва, 1922. — 226 с.
4. Dimitris Vardoulakis. The Doppelgänger: Literature's Philosophy. —: Fordham Univ Press, 2010. — 239 с.
5. Karl Kraus, Martin Leubner. Karl Kraus' «Literatur oder Man wird doch da sehn»: genetische Ausgabe und Kommentar. —: Wallstein Verlag, 1996. — 384 с.
6. Лейбин В. М. Психоанализ: Учебное пособие. — 2-е изд. — СПб.: Издательский дом «Питер», 2008. — 592 с.

ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Функционирование образов космического пространства в метафорических контекстах (на примере поэтических текстов начала XX века)

Биль Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Туралина Неонила Альфредовна, доктор филологических наук, профессор
Белгородский государственный институт искусств и культуры

Ключевые слова: космические образы, космическое пространство, образ космоса, троп, метафора, метафорический контекст, поэтический текст.

Вторичные космические образы, выступающие как один из способов создания поэтической картины мира и основанные на поиске аналогий и уподоблений познаваемых явлений, функционируют в составе тропеических средств, среди которых доминируют сравнение, олицетворение, метафора. Соотношение прямых и образных употреблений в поэзии начала XX века: 59% — прямая номинация, 41% — переносные словоупотребления, среди них: сравнение — 16%, олицетворение — 12%, метафора — 10%, другие образные средства — 3%, что отражено в диаграмме «Прямые и образные космические наименования в языке поэзии начала XX века» (рис. 1), согласно данным которой прямая номинация космической лексики составляет 59%, переносные словоупотребления — 41%, среди них: сравнения — 16%,

олицетворения — 12%, метафора — 10%, другие образные средства — 3% [3, с. 51].

Метафора представляет интерес как одно из средств отображения образно-поэтической картины мира, поскольку выбор лексических единиц, вовлеченных в процесс метафоризации, в результате которого происходит трансформация семантики лексем, появление у них новых смыслов, обусловлен ценностными ориентирами поэтов начала XX века. Модель метафоры складывается из двух компонентов: метафоризируемый компонент — космическое наименование и неметафоризируемый компонент, определяющий связь космических образов с реалиями окружающего мира, выявляющий закономерность формирования и функционирования метафорической парадигмы.

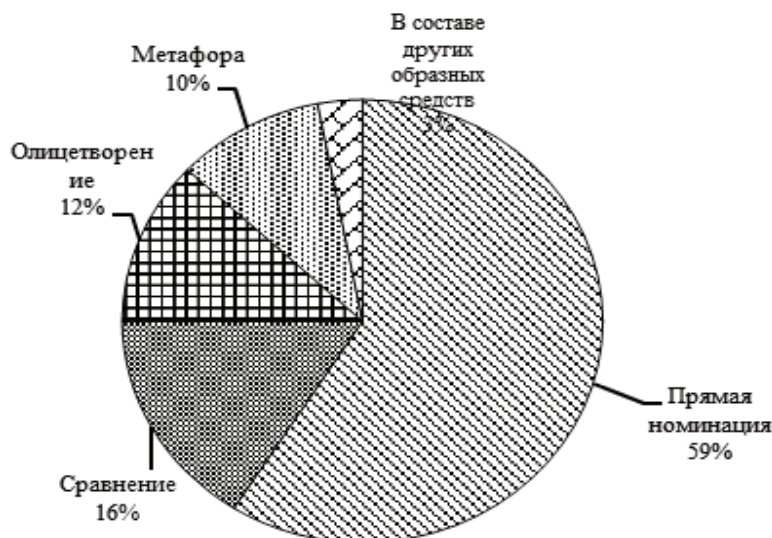

Рис. 1. Диаграмма «Прямые и образные космические номинации в языке поэзии начала XX века»

Космические образы, функционирующие в составе метафоры в поэзии начала XX века представлен широким спектром космических номинаций, однако в создании метафорического образа космоса наиболее задействованы наименования таких тематических групп (ТГ) и тематических подгрупп (ТП), как ТГ «Небесные тела» (ТП «Светила и явления, связанные с ними» (*солнце, луна, луч, заря, рассвет, закат*), ТП «Общие обозначения небесных тел» (*звезда, планета, светило, комета, созвездие, метеор*)) и ТГ «Небесная сфера» (ТП «Небесные и атмосферные яв-

ления» (*гром, туча, зарница, облако, гроза, радуга, зарево, молния, дождь*)), низкую частотностью в метафорических контекстах отличаются наименования ТГ «Общие обозначения космического пространства». Приведем примеры многообразия метафорических космических единиц в текстах некоторых поэтов начала XX (см. таблицу «Метафоризируемые космические наименования в поэзии начала XX века», отражающую метафорическое воплощение космической лексики в лирических произведениях поэтов указанного периода).

Таблица

Метафоризируемые космические наименования в поэзии начала XX века

ТГ	Поэт		К.Бальмонт	В. Брюсов	М.Волошин	Н.Гумилев
	ТП, ТО					
«Общие обозначения космического пространства»				мир(-ы) (3 с/у)	вселенная (2 с/у) мир(-ы) (2 с/у)	
«Небесные тела»	ТП «Общие обозначение небесных тел»		звезда (8 с/у) планета (4 с/у) светило (4 с/у)	звезда (8 с/у) комета (6 с/у)	звезда (10 с/у) созвездие (8 с/у)	звезда (12 с/у) созвездие (6 с/у) светило (5 с/у) комета (4 с/у) метеор (3 с/у)
	ТП «Светила и явления, связанные с ними»		луна (14 с/у) солнце (13 с/у) заря (10 с/у) луч (7 с/у)	луна (13 с/у) солнце (11 с/у) заря (7 с/у) луч (7 с/у) рассвет (3 с/у)	солнце (19 с/у) луна (17 с/у) заря (13 с/у) закат (12 с/у) луч (11 с/у)	солнце (17 с/у) луна (14 с/у) луч (12 с/у)
«Небесная сфера»	ТП «Небо и явления, связанные с ним»			небо (7 с/у)		небо (7 с/у)
	ТП «Небесные и атмосферные явления»		гроза (9 с/у) облако (9 с/у) туча (9 с/у) гром (8 с/у) зарница (7 с/у) радуга (7 с/у)	дождь (8 с/у) молния (7 с/у) радуга (6 с/у) гроза (5 с/у) зарево (5 с/у)	молния (9 с/у) туча (9 с/у) радуга (5 с/у)	молния (8 с/у) гроза (7 с/у) радуга (5 с/у) зарница (3 с/у) зарево (3 с/у)

В целом в рассматриваемых поэтических текстах в метафорических контекстах космические наименования в составе метафоры наиболее актуализируются в раннем периоде творчества. Приведем примеры:

К. Бальмонт: ты — *солнце* во мраке ненастья (Бальм., 1895) — бросил с неба им цветы, вызвал *радугу* мечты (Бальм., 1900).

В. Брюсов: уступает земное *звездам* небесной любви (Брюс., 1893) — и вы..., чьи грозно вопящие тени в *лучах* побед вознесены (Брюс., 1920).

М. Волошин: промелькнула она, как осенней порой *луч* блестящего дня (Волош., 1894) — сознание — вспышка *молнии* в ночи (Волош., 1923).

Н. Гумилев: ...вышина властно превратила сердце в *солнце* (Гум., 1900) — и в душе твоей вспыхнет свет самых вольных Божьих *комет* (Гум., 1920).

Космические единицы, метафоризируемые в поэзии всех анализируемых авторов, активно использовались в составе метафоры в лирике других русских поэтов разных временных периодов и литературных течений, о чем свидетельствуют материалы «Словаря языка русской поэзии» (Словарь языка русской поэзии 2004), согласно данным которого наименования *звезда, солнце, луна (месяц), луч, заря, радуга* проявляют высокую частотность в метафорических контекстах:

— звезда: *звезда* дружбы (Вяз., Хомяк.), *звезда* счастья (Пушк., Фет), *звезда* надежды (Жук., Рыл.), *звезды* глаз, очей (Лерм., Плещ.).

— солнце: *солнце* любви (Якуб.), *солнце* радости (Тепл.), *солнце* юных дней (Майк.), *солнце* мысли (Боровик.).

— луна (месяц): *луна* счастья (Мерзл.).

— луч: *луч* взора (Фет), *луч* сердца (Сумар.), *луч* вечности (Держ.), *луч* радости (Тютч.).

— заря: *заря* грез (Григ.), *заря* отрады (Люц.).

— радуга: *радуга* надежды (Бест. — Марл.)

В функциональной направленности метафорических космических образов в поэтических текстах начала XX века прослеживается антропоцентризм, хотя эти образы могут выполнять и другие функции. Таким образом, космические образы в лирике К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева могут использоваться для описания:

— внутреннего мира человека: о, да, в начале было Слово, и как не помнить мне его!... Сознание, Сила и Основа — три *солнца* духа моего! (Бальм., 1903); я брошен ею, но не плачу: видишь ли: я улыбаюсь. — Твоя улыбка — *рассвет* печальный над погоревшей деревней (Брюс., 1913).

— внешнего образа человека: и, трепеща, необычайны, горе мы подняли сердца и причастились страшной Тайны в *лучах* пылавшего лица (Волош., 1904–1905); если звезды ясны и горды, отвернутся от нашей земли, у нее есть две лучших *звезды*: это смелые очи твои (Гум., 1915).

— физиологических и психических процессов человека: к лесам, к горам, к вершинам белоснежным я мчусь в мечтах, как будто дух больной, я бодрствую над миром безмятежным и сладко плачу и дышу — *луной* (Бальм., 1894); мы вдруг умираем, в истоме дрожа, без сил умираем и дышим *луной* (Брюс., 1898).

— эмоциональных состояний: ты хочешь, чтоб была я смелой? Так не пугай, поэт, тогда моей любви, голубки белой на *небе* розовом стыда (Гум., 1912).

— действий человека (чаще всего движения): не кланите, мудрые. Что вам до меня? Я ведь только облачко, полное огня. Я ведь только *облачко*. Видите: плыву. И зову мечтательней... Вас я не зову (Бальм., 1902).

— артефактов: сестра ожиданий моих, *звезда* исканий полных, огонь мгновений урочных (о храме)

(Бальм., 1906); Париж, Царьград, и Рим — кариатиды при входе в храм! Вам — *солнцам*-городам, кольцеобразно легшим по водам, завещан мир. В вас семя Атлантиды (Волош., 1915); давно без карты и магнита кручусь в волнах, носим судьбой, и мой маяк — *звезда* зенита... (Брюс., 1919).

— отвлеченных понятий: я жаждал слиянья с *лучом* откровенья, созвучия встречи с бессмертной душой (Бальм., 1897); в высоте небесной засветлеют звезды золотые из разрыва туч. Это *звезды* истины и знания, и они не меркнут никогда (Волош., 1897); четвертый воскликнул: «Мы эти мгновенья навек околдуем: да светятся, святы, они над вселенной в *лучах* вдохновенья» (Брюс., 1917)

— времени (будущего и прошедшего): и черный тисс одели леса склоны... Туда идем, к *закатам* темных дней, во сретенье тоскующих теней (Волош., 1907); огни твоей земной вселенной — как тень в лучах иных миров! За гранью счастья и несчастья, есть лучшей жизни *небосклон* (Брюс., 1907); пойми великое предназначенье славянством затаенного огня: в нем брезжит *солнце* завтрашнего дня, и крест его — всемирное служенье (Волош., 1918).

— обрядов и ритуалов: жернов крутится упорный, белый праздник ночью черной... *звезды* обновленья прорезают как туман, в круге знаменье, раденье, со святой водою чан (Бальм., 1906)

— мира природы: а когда к устам красный льнет закат, по золатым следам, мы к иным цветам, мы к плодам *звездам* удалимся в сад (Бальм., 1916).

Космические образы в поэтических текстах начала XX века активно вовлекаются в метафорический процесс, в результате чего при метафоризации образов космического пространства прослеживается общая семантизация, являющаяся, с одной стороны, соответствующим продолжением традиций русских поэтов различных эпох, с другой стороны осмысленная в русле поэзии начала XX века.

Литература:

1. Словарь языка поэзии (образный арсенал лирики конца XVIII — начала XX в.) / Н. Н. Иванов, О. Е. Иванова. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство «Русские словари»: ООО «Транзит книга», 2004. — 666 с.
2. Туралина Н., Биль О. Космическое пространство в поэзии Серебряного века (на материале текстов К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева). — Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. — 174 с.
3. Туралина Н., Биль О. Образ космоса в поэзии начала XX века: лингвистический аспект: Монография. — М.: Издательство «Спутник*», 2011. — 108 с.

Жертвенность как доминанта лингвокультурного типажа «учитель»

Дмитриева Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор;

Pan Xiaotong, магистрант

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

В исследовании определяется место концепта «жертвенность» в системе ценностных доминант учителя. Выявляются системообразующие признаки концепта «жертвенность». Определяется этнокультурная специфика ценностной доминанты учителя на материале русского и китайского языков.

Ключевые слова: концепт, лингвокультурный типаж, ценностная доминанта.

Одним из актуальных направлений лингвистики является теория лингвокультурных типажей, разработанная волгоградскими учеными В.И. Карасиком и О.А. Дмитриевой. В настоящее время моделированию подверглись многочисленные типажы (гусар, русский чиновник, буржуа, английский дворецкий, юридический), однако лингвокультурный типаж «учитель» не был рассмотрен с позиции сравнительно-сопоставительного анализа в русском и китайском языках.

Социальная значимость учителя в мире высока, поскольку учитель выполняет важнейшую задачу в социуме: образование и воспитание детей. Соответственно, по отношению к учителю — как транслятору знаний и суперморальных ценностей — выдвигаются крайне высокие требования, как с точки зрения профессиональной компетентности, так и с позиции духовной нравственности.

Анализ ценностных приоритетов учителя показал, что в системе ценностных координат как в России, так и в Китае присутствует концепт «жертвенность». Кроме того, готовность к самопожертвованию предписывается законодательно, соответственно является жестким прескриптивом: в соответствии с 54-м положением организации образования, науки и культуры ООН «Статус учителей средней школы»: учителю следует «демонстрировать преданность служения в пользу учеников в течение или вне времени оплачиваемой работы» [1]. В современном коммуникативно-массовом сознании учитель так же обязан идти на жертвы, продемонстрируем примером из новостного источника: «Учитель обязан выполнять свой профессиональный долг в любых условиях, даже если школа не обеспечена ресурсами» [2].

Перейдем к анализу языкового материала, позволяющего проиллюстрировать характеристики концепта «жертвенность» в китайском и русском языках.

В седьмой статье «Нормы профессиональной этики для учителей в начальных и средних школах Китая» сообщается: «廉洁从教。谨守高尚情操,发扬奉献精神,自觉抵制社会不良风气影响。不利用职责之便谋取私利» [3]. («Учить честно. Неукоснительно выполнять свои обязанности, развивать жертвенный дух к обучению, сознательно противостоять влиянию нездоровой общественной социальной атмосферы. Не использовать работу, чтобы получить выгоду для себя»). Применяя интерпретативный анализ, выясняем, что жертвенность учителя заключается в «честности» и «отказе от личной славы и выгоды». Цитированный выше прескриптив уточняется дополнительными документами, в рамках указанной статьи, согласно которым: «敬业奉献。忠诚人民教育事业,志存高远,对工作高度负责,勤勤恳恳,兢兢业业,甘为人梯,乐于奉献。认真备课上课,认真批改作业,认真辅导学生。不对工作敷衍塞责» [там же] («Любить свою работу, развивать жертвенный дух к обучению. Нужно быть преданным делу партии в области просвещения, проникнуться высокой целью, проявить исключительно ответственное отношение к работе, ра-

ботать усердно, учить со всей тщательностью, охотно работать (как вол) ради детей, готовиться к урокам тщательно, проверять домашние задания и обучать учеников серьезно. Не работать для виду»).

Очевидно, что в этих двух разных контекстах жертвенность учителя наделяется разными значениями. Что касается первого варианта «жертвенности» учителей, то она заключается в том, что учитель не должен требовать никаких дополнительных материальных выгод и не гоняться за почестями. При этом «жертвенность» во втором понимании намного сложнее, поскольку требует постоянной верности и отдачи своему делу. Приведем несколько примеров для конкретизации, взятые нами из китайского и русского кинематографа.

В фильме «Красивые ноги» демонстрируется твердое убеждение героини учительницы Чжан Мели: никогда не изменять своей цели — открыть школу, чтобы учить детей грамоте, воспитывать их. После смерти мужа и ребенка, она отказалась от личной жизни, занялась организационными вопросами начальной школы, посвятила преподаванию и воспитанию детей всю свою оставшуюся жизнь. Так же в фильме «Моя карьера обучения», учительница Чэньюй ушла от своего любимого человека, рассталась с родными местами, поехала преподавать в отдаленный горный район, претерпевая трудности и бытового характера, и профессионального, но осталась верна своему выбору.

В русском кинематографе мы видим аналогичное представление учителей. В фильме «Сельская учительница» Варвара Васильевна Мартынова полностью посвятила себя воспитанию детей. В процессе профессиональной деятельности она столкнулась с многочисленными трудностями: уезжает в Сибирь; завоевывает признание среди местного населения, которое не принимает ее; жертвует всю свою зарплату нуждающимся; потеряв мужа, полностью отдает себя своей профессии. Варвара Васильевна не только преподает своей предмет, но и прививает духовно-нравственные основы детям: любовь к Родине, бережное отношение к природе, уважение к людям. Еще один герой фильма «Учитель пения» Ефрем Николаевич Соломатин — бесконечно любит учить детей, неоднократно обращается с увещаниями и предупреждениями к директору, и добивается того, чтобы учить детей выражать свободную мысль самостоятельно, при этом, испытывая бытовые трудности, на которые не обращает внимание.

Как мы видим, во всех фильмах учителя отказываются от личной жизни, ставя на первый план свой профессиональный долг. С позиции аксиологического подхода к изучению лингвокультурного типажа, «учитель» характеризуется отказом от витальных ценностей в пользу суперморальных, одной из которой выступает «жертвенность».

Рассмотрим дефиниции лексемы «жертвенность» в русских и китайских словарях, с целью выделения универсальных и эноспецифических характеристик.

По определению «Малого академического словаря»: «Жертвенность — свойство по прил. (во 2 знач.); самопожертвование [4]: В »Словарь синонимов русского языка» приводятся следующие синонимические слова: беззаветность, подвижничество, самоотвержение, самоотверженность [5]. Иными словами, учитель должен быть готов к самопожертвованию, что включает в себя преданность своей работе, активность и энергичность, способность полностью посвятить себя своему делу, забыв о себе.

Перейдем к анализу китайских словарей. «奉献精神»是一种爱,是对自己事业的不求回报的爱和全身心的付出 [6]. («Жертвенность» — это такая любовь, при которой человек всей душой предан своему делу, способен приносить в жертву свои интересы). В китайском словаре синонимов «汉语大辞典» синонимы «Жертвенность» всего два слова — первый: «贡献»: ①拿出物资、力量、经验等献给国家或公众:为祖国~自己的一切。②对国家或公众所做的有益的事:他们为国家做出了新的~。 [7]. (① посвятить государству или обществу материалы, силы, опыт и т.п. *Быть преданным отечеству своей душой и своим телом.* ② приносить пользу государству или обществу. *Они приносили пользу государству.*); второй: «舍己为人» («Подвижничество»).

В древних китайских стихотворениях «жертвенность» представлена следующим образом: 1) 俯首甘为孺子牛 («С поклоном готов, как буйвол служить ребенку»); 2) 鞠躬尽瘁,死而后已 («самоотверженно служить делу, не требуя для себя лично ничего даже после смерти») и т.д. Кроме того, в китайском языке существует прецедентное высказывание: «春蚕到死丝方尽» («Лишь когда шелкопряд умрёт, нити закончатся»), которое упоминается в связи с образовательной и воспитательной деятельностью, иными словами, пока учитель жив — он обучает. В качестве иллюстрации приведем пример цитирования данного высказывания из «Ежедневной Газете Амой»: «演员们用抽象的肢体语言表达老师»春蚕到死丝方尽«的无私奉献精神» [8]. («Актеры абстрактным языком тела выражали бескорыстную жертвенность учителей — »Лишь когда шелкопряд умрёт, нити прекратятся»»).

В известной степени мы можем сделать вывод из всего выше сказанного: «жертвенность» — это типичная характеристика личности учителя, которая выражается в том, что на первый план выступает выполнение профессионального долга, тогда как собственные интересы отступают на второй план.

Рассмотрим контексты, репрезентирующие понимание жертвенности в русском и китайском языках. Л. Н. Толстой в своей работе писал: «... учитель говорит: времени у меня мало, у тебя хочу взять пасху с учениками» [9]; «Учитель должен быть подвижников своего дела, полагающий душу свою в дело обучения и воспитания...» [там же]. В официальном печатном издании ЦК КПК «Жэньминь жибао» опубликовано: «几十年来,全国的一千多万教师,为培养新中国的建设者和社会主义事业的接班人,呕心沥血,无私奉献,不计较清苦的生活条件和艰苦的工作条件,忠诚于人民的教育事业,做出了巨大的贡献». [10]. («На протяжении десяти-

летий несметное количество учителей нашей страны воспитывало создателей Нового Китая, продолжателей социалистического дела, вкладывало всю душу в работу, бескорыстно посвятило себя стране, не считалось с плохими условиями жизни и тяжелой работой, было преданным делу партии в области просвещения, внесло большой вклад в обучение»). «他们倾毕生心血致力教学,以满怀仁爱,付与学生,自己却甘于淡薄和清贫». («Они отдают всю свою жизненную энергию обучению, учат учеников с абсолютной душевной добротой, не думая о своей усталости и бедности). Официальное информационное агентство КНР Агентство »Синьхуа« об учителе сообщает следующее: »他们起早贪黑,废寝忘食,一天到晚泡在学校里,几乎没有多少属于自己的时间。天不亮就匆匆离开家,顾不上给孩子做一顿早餐;深夜才筋疲力尽地回到家中,孩子早已在等待中睡着。平日里忙碌不说,节假日还要给学生补课«。 [11]. («Они работают с раннего утра до глубокой ночи, забывают о еде и сне, и остаются в школе весь день, почти не имея свободного времени. Каждый день они встают до рассвета и идут в спешке, не успев готовить своему ребенку завтрак; ночью пойдут домой совсем утомленными, когда их дети уже крепко спят. В будние дни они очень заняты, но и во время праздников им надо учить учеников»).

Таким образом, мы имеем основания полагать, что «жертвенность» — это сознательный выбор учителя, свидетельствующий о доминировании суперморальных ценностей в шкале жизненных приоритетов. Жертвенность означает отдавать, а не принимать, не надеяться на получении вознаграждения. Проиллюстрируем примерами: «教师工资低,还时不时没有保障,在社会上地位也不高,逼得许多人改行» [12]. («Раньше зарплата наша была низкой, никакой гарантии не было», — сказал учитель Ву Цзинчэн. «И социальный статус был низким. Таким образом, многие учителя были вынуждены поменять работу»). «教师队伍的现状还存在一些令人忧虑的问题,例如教师经济待遇偏低的情况仍未真正改变,他们的工作、学习和生活条件还存在不少困难» [13]. («Несколько тревожных социальных проблем отмечается в среде учителей: они всё ещё мало зарабатывают, немало трудностей у них в работе, в учебе и в бытовых условиях»). Перечисленные текстовые примеры свидетельствуют о том, что одним из аспектов жертвенности выступает и низкая заработная плата на фоне постоянной полной занятости.

Великий философ и выдающийся педагог Сократ определил границу жертвенности учителя: «сделать первым и главным предметом своего попечения не свое тело или имущество, а высшее благополучие своей души», «... я могу представить верного свидетеля того, что я говорю правду, и, я полагаю, довольно убедительного, — мою бедность» [14]. Мы видим, что для учителя — приоритет духовная составляющая является приоритетом, кроме того, низкое материальное положение — бедность — сознательный выбор. Проиллюстрируем текстовыми примерами: «Оказалось, что... профессия учителя — чуть ли не самая низкооплачиваемая» [15], «... профессия учителя в России от-

носится к числу самых низкооплачиваемых и непрестижных» [16]. В Китае видим аналогичную ситуацию: «你可要想好了呀, 当老师工资低, 生活清贫...» [17]. («Вы должны тщательно продумать выбор этой работы. Учитель мало зарабатывает, живет бедно...»). «当老师费嗓子, 工资又不高» [там же]. («В работе учителю необходимо не шадить своих сил, а зарплата невысока»). Исходя из этого, учитель живет не богато — это общепризнанный факт, распространенный в современном коммуникативно-массовом сознании как в Китае, так и в России.

Выбор профессии «учитель» означает осознанный отказ от достатка, от развлечения и свободного времени. Учитель идет на самопожертвования, не ради славы, денег, а ради выполнения профессионального долга. Таким образом, системообразующим признаком лингвокультурного типажа «учитель» выступает жертвенность, стереотипно зафиксированная в обществе, ставшая социальным символом хорошего учителя. Так, бывший председатель Международной комиссии по развитию образования ООН Кумс сказал: «Не учительские знания и методы сделали учителей хорошими учителями, а именно их вера в обучение и жертвенность» [18].

Вспомним, этимологию слова «жертвенность», деривата существительного «жертва» из старославянского, образованного от жръти — «приносить в жертву». Восходит к той основе, что и греческое *geras* — «почетный дар»: ведь жертва является не чем иным, как подношением, даром божеству [19]. Жертвенность учителей, таким образом, является чертой, апеллирующей к высшим силам и это не случайно, т.к. первыми учителями в истории человечества были жрецы, люди, посвятившие себя служению высшим силам, богам.

Жертвенность учителя выступает как суперморальная ценность в современном прагматическом обществе, когда повсеместно как в западной, так и восточной картинах мира в шкале ценностных приоритетов доминирует достаток, комфорт, потребительское отношение к окружающим, то есть витальные и утилитарные ценности. «Жертвенность» — суперморальная ценность, носящая универсальный характер, релевантная как для русской, так и китайской картины мира в аспекте ценностных приоритетов лингвокультурного типажа «учитель».

Литература:

1. 赵中建主译. 全球教育发展的历史轨迹——国际教育大会60年建议书 [C]. 北京: 教育科学出版社, 1999.
2. Школа должна развивать способности, а не принуждать к учебе // Фонд развития. URL: <http://go2phys-tech.ru/shkola-dolzha-razvivat-sposobnosti-a-ne-prinuzhdad-k-uchebe-lebedev> (дата обращения: 7.04.2018).
3. 周兴国. 论教师的职业奉献精神 [J]. 当代教师教育, 2015.
4. Малый академический словарь / под ред. Евгеньевой А. П. М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1999. — 736 с.
5. Алекторова Л. П. Словарь синонимов русского языка.. —: АСТ, Астрель, 2002. — 336 с.
6. 百度词典 // URL: <http://dict.baidu.com> (дата обращения: 16.02.2018).
7. «汉语大辞典» («Большой словарь китайского языка»). URL: <http://www.hydc.com/tongyicidian.htm> (дата обращения: 17.02.2018).
8. 厦门日报. «把最好的节目献给老师!», 2004—9—18
9. Толстой Л. Н. Соединение и перевод четырех Евангелий (1902) // «Толстовский Листок — Запрещенный Толстой», № 6, 1995. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=27682&p=1> (дата обращения: 17.02.2018).
10. 北京大学中国语言学研究中心. [Электронный ресурс]. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/index.jsp?dir=xiandai. 人民日报, 1993—09.
11. 北京大学中国语言学研究中心. [Электронный ресурс]. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/search?q.
12. 北京大学中国语言学研究中心. 新华社, 2004—12. [Электронный ресурс]. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/index.jsp?dir=xiandai.
13. 北京大学中国语言学研究中心. 人民日报, 1993—03. [Электронный ресурс]. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/index.jsp?dir=xiandai.
14. Платон. Апология Сократа // Собрание сочинений. м., 2000. т. 1 М.: Мысль, 1990. — 860 с.
15. Мацкявичене М. «Учительный» падеж // URL: http://www.trud.ru/article/30-08-2003/61288_uchitelnyj_padezh.html (дата обращения: 16.02.2018).
16. Мацкявичене М. Зачем школьнику знания // URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2005/02/09/zachem_shkol_niku_znaniya/ (дата обращения: 16.02.2018).
17. 北京大学中国语言学研究中心. 1994年报刊精选\05 // URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/index.jsp?dir=xiandai.
18. 周兴国. 论教师的职业奉献精神 [J]. 当代教师教育, 2015.
19. Этимологический онлайн-словарь русского языка Крылова Г. А. // URL: <https://krylov.lexicography.online/ж/жертва> (дата обращения: 16.02.2018).

Phraseological comparisons in Kazakh and English languages: match of meanings

Zavitova Tatyana Yuryevna, senior lecturer;
Bukharbaeva Guldana, master's student
Kostanay State University named after Ahmet Baitursynov

Phraseological comparisons differ from other types of phraseological units by their logical construction, comparative meaning and stylistic activity. When studying the nature of phraseological comparisons, we should focus on the similarities and differences of phraseological comparisons in these two languages.

Phraseological comparisons form a considerable part of any phraseological fund. Comparison refers to philosophic and linguistic category that incorporates nation-specific artistic way of thinking, national differences of worldview [1, 16].

Comparison, as a linguistic category, may become a subject of inquiry in all new branches of modern linguistics. Among such branches, in reliance on the main viewpoints of cultural linguistics and cognitive linguistics, comparative and matching studies are of special importance. Therefore, the studies of phraseological comparisons in related and unrelated languages from linguo-cultural and linguo-cognitive viewpoints, makes it possible to appreciate the colours, national peculiarities, mentality, unique dignity, to provide insight into their properties in meaning creation and linguistic application. From this viewpoint, elucidation of the basis for creation of meanings of phraseological comparisons in unrelated Kazakh and English languages is of major importance. To define internal contents of comparisons, one should address the theory of motivation [1, 23]. Inner form of phraseological meanings of such word combinations in the Kazakh language: **құмырсқадай құжынаған, құмға сіңген судай, сүліктей жабысты**, in the English language **dumb as a fish (балықтай тілсіз), as brave as a lion (арыстандай айбатты), dance like an elephant (пілше билеу)**, is clear, i.e. their meanings are created motivationally, using their inner form [2, 35].

Concealment of the inner form of phraseological units makes their meaning «pale»... E.g., көрі қойдың жасындай жасы қалды (like the age of an old sheep) came out of the observed life of sheep (about 10 years). This fact, in oral meaning, gave occasion to creation of the idiomatic word combination which is applied to an elderly person. A phraseological unit **to fight like Kilkenny cats (Килкени мысықтарындай айқасу)** used in the English language with a meaning «fight to death», arose from a historical event — bloodshed between two towns Kilkenny and Irishtown that finally resulted in collapse of both towns [2, 42].

Great majority of phraseological comparisons in Kazakh and English languages refers to a macrogroup called «Human», their meanings reflect mutual activities of human-being and environment. Based on phraseological comparisons, the following semantic-lexical sets of the two languages have established which are associated with representation of the areas of human life and activities:

1. PCs describing a person's character and cognitive capacity: Kazakh: *Қарабайдай қатыгез, дала бүр-*

кітіндей қырағы; English: *a memory like an elephant (сөзбе-сөз: есі пілдей)*, *яғни еске сақтау қабілеті жоғары, тамаша, as blunt as a hammer (сөзбе-сөз: балгадай ақымақ)*, *яғни топас, etc.* [3,20], [DKC]

2. PCs describing a person's state: Kazakh: *сең соққан балықтай, жарасын жалаған иттей, жаралы арыстандай аласұрды*; English: *as miserable as a bandicoot — (қалталы қортышқандай) — бақытсыз, аянышты, as still as a mouse. — тышқандай жасырынып тұру, etc.* [3,65], [DKC]

3. PCs describing a person's appearance: Kazakh: *қырмызыдай ажарлы, ақ маралдай әдемі*; English: *as fair as a lily — лилия гүліндей сұлу, pale as death — өліктей бозарған, etc.* [3,53], [DKC]

4. PCs describing a person's life and activities: Kazakh: *түлкі қуған тазыдай соңына түсу, ит пен мысықтай өмір сүру*; English: *as thick as thieves (бір-біріне ұрылардай жақын болу) — жан дос, айырылмас дос, to live like cat and dog — мысық пен иттей өмір сүру* [3,46], [DKC]

5. PCs describing a person's emotional state: Kazakh: *найза үстінде отырғандай; тышқан алған мысықтай*; English: *to shake /quake/ tremble like an aspen leaf — көк теректің жапырағындай қалтырау, to sit on a powder keg — оқ-дәріге толы бөшкенің (күбінің) үстінде отырғандай* [3,46], [DKC]

6. PCs describing an attitude of one person to another person or object: Kazakh: *жыландай жек көру, құлындай шыңғырту, қойдай бауыздау*; English: *hate smb like poison — біреуді удай жек көру, flying smb aside like an old boot — біреуді қажеті жоқ ескі аяқ киімдей лақтырып тастау, яғни пайдаланып алғаннан кейін өзінен алыстату, қуу* [3,25], [DKC]

7. PCs describing properties of phenomena, objects: Kazakh: *көздің жасындай таза (мөлдір), жаман түйенің жабуындай (келіссіз)*. English: *fresh as a daisy — маргаритка гүліндей жас, жаңа, cold as a frog — құрбақадай суық* [3, 42], [DKC]

8. PCs describing a colour: Kazakh: *ақ бөкеннің таңындай, орман түлкісіндеі қызыл, сүттей ақ*; English: *as white as driven snow/as milk — қардай/сүттей ақ, as red as a turkey-cock — күрке тауықтың айдарындай қызыл* [3, 52], [DKC]

9. PCs describing a human's meal process: Kazakh: *бурадай қарш-қарш шайнау, егінге түскен сырдай жайнау*; English: *eat like a pig — шошқадай ішіп-жеу, drink like a fish — балықша ішу* [3, 25–46], [DKC]

10. PCs describing the scopes of objects and phenomena: Kazakh: *қойдың құмалағындай, ешкінің асығындай, иненің жасуындай*; English: *as light as a drum — барабандай жеңіл, this as a lath/rake — ескектей жіңішке* [3,35], [DKC]

11. PCs describing the distances: **Kazakh: есік пен төрдей, ат шаптырымдай жер, қозы/қой өрісіндей жер.** Among the collected material, no English phraseological comparisons referring to this set were found. [DKC]

12. PCs describing the time: **Kazakh: бие сауымдай уақыт, сүт қайнатымдай уақыт, қас қаққандай.** No English phraseological comparisons referring to this set were found. [DKC]

In phraseology, the main features, relevant properties of phraseological units are as follows:

- 1) meaning integrity
- 2) stability of word combination
- 3) regular use

Components of phraseological unit fully or partially lose their original meaning, take a single integral meaning of the word combination, we call it the meaning integrity. Stability of word combination is observed as positions of the components of phraseological unit are retained, regular use is observed as people are willing to use them. The above relevant properties are common for both Kazakh and English languages. [4, 35] For example, stable word combinations in Kazakh and English languages:

Көзінің ағы мен қарасы — the apple of one's eye;

**Kill two birds with one stone — екі қоянды бір та-
яқпен ұрып өлтіру;**

Cat and dog life — итпен мысықтай өмір, etc. [5, 21–23]

Components of these word combinations are used as a whole, in interconnected state. They cannot be replaced with any other word, otherwise, if one of them is replaced with any language element, its general meaning may be impaired or self-sufficiency and consistency inherent in phraseological unit may be affected.

In comparative phraseology, Utebayeva Sh. and Sadybekova B.A. compared somatic phraseological units in Kazakh and English languages («Somatic phraseological units in Kazakh and English languages»). In their research work, these scientists performed statistical analysis of somatic phraseological units in Kazakh and English languages, and defined the quality which is capable of giving rise to set expressions relating to the parts of human body. [6, 13–14]

Thus, in conclusion, definition of inter-lingual phraseological matches is a complicated multistage process. The main sign of inter-lingual phraseological matches — is their lexico-semantic similarity in the process of comparison of phraseological units in various languages.

Inter-lingual phraseological matches imply full or partial similarity in the meaning, contents of phraseological units in various languages. Investigation of the facts of inter-lingual phraseological matches from the perspective of typology, explains special aspects of inter-lingual phraseological matches, their similarity and dissimilarities from the others.

References:

1. Isabekov S. Ye. Kartina Mira vo frazeologicheskikh yedinitсах nerodstvennykh yazykov // Aktual'nyye problemy mezhkul'turnoy kommunikatsii i perevoda. — Almaty, 2001.
2. <http://kazustaz.kz/ustaz/693-aza-zhne-aylshyn-tlderndeg-frazeologizmder.html>
3. Spears R. A. Phrases and Idioms. A practical Guide to American English Expressions. — NTC Publishing Group, 1998 — p. 305.
4. T. N. Yermekova, A. N. Yusupova. Sal astyrmaly leksikologiya. — Almaty,
5. Kunin A. V. Frazeologiya sovremennogo angliyskogo yazyka. — M.: Vysshaya shkola, 1996 — p.280.
6. Utebayeva SH., Sadybekova B.A. Kazakh zh ne aylshyn tilderindegi somatikalyk frazeologizmder // Bilim. — № 6 (54) 2010. — p. 33–36
7. Dictionary of Kazakh collocations (DKC)
8. Kazakh-English dictionaries

МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ

Пресс-клиппинг юбилейных страниц первой большевистской газеты «Красное Знамя» Приморского края

Варавва Валентина Васильевна, соискатель
Академия медиаиндустрии (г. Москва)

В 2018 году отмечается 80-летие Приморского края. Многие мероприятия планируется провести под эгидой этой знаменательной даты. Есть хороший повод ещё раз вспомнить о первой краевой большевистской газете «Красное Знамя». В прошлом году общественность Владивостока отметила 100-летие с момента выхода первого номера, а в этом году исполнилось 20 лет, как газета была закрыта. Пресс-клиппинг («вырезки из прессы»; «подборка газетных вырезок...») [28, Пресс-клиппинг] юбилейных номеров газеты позволит выявить, как формировался медийно-имиджевый образ газеты. В сферу изучения также входит анализ материалов к знаменательным датам в период 1922–2017 гг.

Ключевые слова: газета «Красное Знамя» (г. Владивосток), пресс-клиппинг, медийно-имиджевый образ газеты.

Ситуационный момент рождения во Владивостоке большевистской газеты «Красное Знамя»

После буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг. социал-демократы не прекращали революционной работы. Партия большевиков на Дальнем Востоке набирала популярность. Пролетарские слои населения спланивались вокруг её рядов, численность большевистских организаций стремительно росла. Если в марте 1917 г. их было всего несколько десятков, то в марте 1918 г. насчитывалось четыре с лишним тысячи. Такому результату предшествовала огромная работа, в которой активное участие принял Константин Александрович Суханов. В 1916 году он был направлен Петербургским комитетом РСДРП во Владивосток для создания Владивостокской организации РСДРП и помощи местным подпольщикам. В июле того же года под его руководством образовалась «Владивостокская инициативная группа марксистов», а на её основе 11–12 апреля 1917 г. — Владивостокский комитет и бюро РСДРП. По их инициативе была создана владивостокская социал-демократическая газета «Красное Знамя», первый номер её вышел 1 мая 1917 г. Издание сыграло большую роль в революционной организации и политического воспитания трудящихся масс. [24, Крушанов, с. 224, 63, 68–69, 78, 88, 102, 189]

Первый юбилей газеты «Красное Знамя»

Имидж газеты складывается не на пустом месте, этому всегда предшествует определённая работа, оценку которой дают читатели и коллеги. Поводом обычно служит знаменательная дата, в честь которой и сама редакция обращается к собственной истории. На страницах издания появляются материалы, жанровая палитра которых представлена в литературно-публицистических (воспоминания, рассказы, статьи, эссе), аналитических (отчёты вечеров, встреч с читателями, подведение итогов различных конкурсов и соревнований) и эпистолярных (телеграммы-поздравления) жанрах.

Первый 5-летний юбилей газета на своих страницах отметила скромно, разместила всего две небольшие заметки. Одна вышла за подписью Нелегальщики и называлась «Товарищи!» [8, 1922, № 5, с. 1, Нелегальщики. Товарищи!], вторую — «Сила печати» — написал Подпольщик [8, 1922, № 5, с. 1, Подпольщик. Сила печати]. Первая представлена в жанре краткой информационной заметки, вторая — в литературном жанре рассказа о подпольной работе редакции: «В подвале, в погребе, на чердаке, где только можно устраивается примитивная (упрощённая) типография. С большим риском наборщицы, печатники, сотрудники и распространяющие её творят большое трудное, но необходимое для освобождения пролетариата, дело». Текст написан простым разго-

ворным языком, рассчитанным на аудиторию своих читателей — рабочих и крестьян.

По страницам 1000 номера газеты «Красное Знамя»

Важным поводом для газеты коллектив посчитал выход 1000 номера в декабре 1923 года. В нём читатели познакомились с воспоминаниями участников недавних событий. Эти откровения до сих пор являются первоисточниками о революционной деятельности редакционного коллектива. Впоследствии в своих работах эти статьи использовали Н. Колбин [7], С. Попов [27], С. Иванов (1958 г.) [3], Т. Калиберова (1987) [21], Юрий Мокеев (2007 г.) [26], Николай Кутенких (2012) [25], Георгий Климов (2017 г.) [4] и др., дополняли их новыми фамилиями и фактами. Они и сами были неотъемлемой частью истории «Красного Знамени», т.к. работали в этой газете корреспондентами, а некоторые редакторами.

В 1000-м номере помещено несколько воспоминаний. Николай Новицкий осветил период 1917–1923 гг. в статье «Наша газета» и дал следующую характеристику: ««Красное Знамя», кристально чистым, алмазно-твёрдым часовым и глашатаем, стояло на страже международного единения рабочих, <...>. Оно разоблачало цели союзников, планы буржуазии, ложность и предательский характер соглашательских позиций. Оно организовывало рабочую массу, выясняло перед ней очередные классовые задачи, собирало трудящихся под знаменем непримиримой борьбы до полной победы рабочего класса над международной буржуазией»; «вело организующую, агитационную и пропагандистскую работу в мрачный период колчаковщины и атаманского террора». [9, 1923, 11 декабря, № 1000 (282), с. 1. Новицкий. Наша газета]

Автор Г. в статье «На гранях переворотов» называет «Красное Знамя» — «боевым органом рабочего класса», делает обзор материалов за 1917–1918 гг., описывает деятельность газеты: «Вот, что писало «Красное Знамя»...»; «Далее газета говорит...»; «В этом номере помещено...»; «Газета <...> предвидела и писала...»; «В другой статье эта газета пишет...». Как видим, динамика текста передаётся глаголами, которые подчёркивают активность газеты. Автор заключает статью такими словами: «Тысяча номеров, тысяча бойцов за Советскую Власть отметили всю историю борьбы за власть Советов на Дальнем Востоке». [9, 1923, 11 декабря, № 1000 (282), с. 1. На гранях переворотов]

Ив. Леушин написал свои воспоминания под названием «В окружении» в стиле эссе, т.е. в свободном стиле, не придерживаясь каких-либо канонов изложения. Правда, разделив рассказ на две части: 1. Летом; 2. Зимой. В каждой сделал несколько лёгких художественных штрихов, где наброски мыслей, легко переходят от одного факта к другому: «Уехал Чужак, откатилась в Читу волна старых сотрудников, события заставили вооружаться и В.Г. Антонова на другом фронте».

По утверждению Леушина: ««Красное Знамя» ковало в массах уверенность, что чувством рождённая надежда на Советскую Россию, как на грядущее освобождение из каторжных условий приморской действительности — не заблуждение, и что новый социальный быт, укрепляющийся в результате Октябрьской революции и гарантирующий освобождение пролетариата — не абстракция, а неоспоримый факт, существующий и не побеждённый»; «Красное Знамя», «как голос партии, вело массы, объединёнными и с готовностью к жертвам». [9, 1923, 11 декабря, № 1000 (282), с. 1. Леушин. В окружении]

Туманов написал рассказ ««Труженик» — «Красное Знамя» (декабрь 1918)», в который включил диалог героев, поэтому создаётся впечатление действия здесь и сейчас. Есть динамика развития сюжета, передаваемая глаголами: не отставайте, шагайте, забираемся, развёртывается, двигаемся, встречаем, входим, пробираемся, встречаем, входим, проходим, обмениваемся, отмечаем, спрашиваем, присаживаемся, идём смотреть, прибежал, спустились, набросились, поднялись, кормились, разошлись, продолжалась, справились, прислушивались, руководились и др.

В рассказе есть образность: «Ветер свистит и рвёт»; «Удивительная ночная панорама Владивостока развёртывается там, внизу под нами, и сбегает многочисленными ручейками огней прямо в бухту».

Есть интрига: «Ощупью, вдоль какой-то стены, цепляясь друг за друга и за что попало, едва пробираемся в какой-то коридор, где встречаем ещё одного товарища на «стрёме».

Есть кульминация: «И всё-таки они справлялись со своей трудной задачей вполне — до самого конца».

В рассказе запечатлён исторический факт издания газеты в подпольных условиях, смены названия газеты и фамилии тех, кто работал над выходом «Красного Знамени» (Кокушкин, Игорь Сибирцев, Зоя «большая» и Зоя «маленькая», Алёшка Коваль, товарищи Таня и Оля).

Название статьи ««Труженик» — «Красное Знамя» (декабрь 1918)» раскрывается в словах: «Игорь показал нам газетный альбом, в котором только за один месяц прошли перед нами чуть ли не десять имён рабочей газеты <«Красное Знамя»>. Каких тут только не было названий: и «Рабочий», и «Печатник», и «Рабочее Знамя», и «Пролетарий», и еще какие-то — не помню сейчас, и, наконец, «Труженик»». [9, 1923, 11 декабря, № 1000 (282), с. 1. Туманов. «Труженик» — «Красное Знамя»] С другой стороны, этот эпизод подтверждает, в каких сложных условиях приходилось выпускать газету, на какие ухищрения идти.

Официальным языком написана статья Н. Горихина «Красное Знамя»: «Руководителем его в борьбе была коммунистическая партия»; «1918 год. Чешский переворот: «Красное Знамя», после двух-трёх номеров, закрывают»; «Но переворот 26 мая опять загнал «Красное Знамя» в подполье»; «Теперь в легальных условиях» и т.д.

Но в ней есть место и эмоциям: «Много вынес на своих плечах за эти пять лет на Дальнем Востоке проле-

тарий»; «С каким нетерпением ждёт рабочий свою газету»; «Если газета почему-то не вышла в назначенный срок, то на лице рабочего можно увидеть озабоченность, тревогу и боязнь за свою газету».

Н. Горихин использует разговорную лексику: «Выборы в Дальневосточную учредилку»; «настойчиво долбя свою основную мысль»; «свою корявую газету»; «белой охранке», «два раза меркуловщина ликовала, но столько раз она скрежетала зубами и выла...».

Характеристика газете дана следующая: «Красное Знамя» было «спутником <коммунистической партии>, информатором и идейно-направляющим органом»; «неизменно оставалось спутником и маяком рабочих Приморья», «направляло идейно мысль пролетариата Приморья». [9, 1923, 11 декабря, № 1000 (282), с. 1. Горихин. «Красное Знамя»]

Рассказ Орловского «Во время затишья (Воспоминания 1920—1921 года)» состоит из пяти небольших частей: Общее; Редактор и представительства; Японские типы; Компания на подписку; 31 марта 1921 года; т.е. произведение продумано и структурировано, имеет деловой тон.

В первой части даётся характеристика ситуационного момента: «Колчак уже не существовал... В Гродеково сёмёновцы... В Имане проходил... во Владивостоке было...».

Во второй части говорится о месте расположения типографии («далеко от центра», в здании «бывшей гауптвахты») и редакторе Антонове, который был вынужден уйти из газеты, т.к. «присутствие Антонова было необходимо каждую минуту у руля власти».

В третьей части речь идёт о японских интервентах, которые ведут себя, как хозяева, указывают, что делать русским в родном городе, проводят контрразведывательные мероприятия (например, фотографируют членов типографии и пр.).

Четвёртая часть посвящена важности подписной компании для идейного просвещения трудовых масс и кропотливой работы с населением в этом направлении.

В заключительной части повествуется о конкретном событии и оперативной реакции редакции на происходящее: «В ночь на 31 марта во Владивостоке был один из недворотов. <...> И к утру, когда на улицах Владивостока было спокойно, и буржуазия спокойной волной двигалась по Светланке, «Красное Знамя» уже нарахват раскупалось, а в 11 часов вышла первая летучка, описавшая подробно события минувшей ночи».

Из высказываний Орловского о газете узнаём: «Красное Знамя» настойчиво указывало пути рабоче-крестьянской борьбы и пролетарского творчества»; «Газета в это время пользуется большим влиянием не только у рабочих Владивостока, но и во всём Приморье и Приамурье»; «Красное Знамя» всегда зорко смотрело вперёд и указывало рабочим и крестьянам на потуги буржуазии, пути пролетарской борьбы и пролетарского творчества». [9, 1923, 11 декабря, № 1000 (282), с. 2. Орловский. Во время затишья (Воспоминания 1920—1921 года)]

Ещё один материал вышел за подписью К. Х. «На передовом посту», где основной акцент сделан не на га-

зету, а на город, каким он стал под влиянием «Красного Знамени»: «Тот Владивосток, в котором вышел первый номер »Красного Знамени«, был типичным городом далёкой окраины. <...> Но не похож на него тот Владивосток, в котором выходит 1000-й номер нашей газеты. <...> Он стал маяком Революции для Востока. <...> Красным маяком служит он и для бесчисленных островов и земель западной части Тихоокеании. <...> Одним существованием своим будит теперь пролетариат Востока к мысли о борьбе и победе». [9, 1923, 11 декабря, № 1000 (282), с. 1. На передовом посту]

Ал. Богданов написал рассказ «Конец подполью. 25-го октября 1922 г». о выходе первого легального № 26 газеты «Красное Знамя», это случилось в момент ухода интервентов и воссоединения Приморья с Советской Россией. Он отмечает, что этот день «был настолько исключительным по переживаниям, что пробил толщу косности даже в самых обывательских слоях, встряхнул всё, вплоть до мешанства. Подъем был несравненно выше и бурнее того, что было в марте 1917 года». Центром новой жизни стала редакция «Красного Знамени». Газету ждали с нетерпением и разносчики, и красноармейцы, и жители города.

Рассказ составлен из трёх частей без названия по всем правилам литературного произведения: 1. Город освобождён от интервентов, улицы заполняют части Красной Армии, общее ликование; 2. Звучат требования разносчиков: давайте телеграммы, выпускайте «Красное Знамя»; идёт работа над изданием; 3. На улицы «ликующей ракетой врывается крик: — Газета «Красное Знамя»! «Красное Знамя»!».

Рассказ написан образным литературным языком, передающим атмосферу происходящего события: «"Красные части на 1-й Речке!» Эта весть наэлектризовывает весь город. На всём протяжении Светланской и по Китайской — вплоть до Первой Речки, улицы густо залиты живой волнующейся толпой. Буквально от стариков до малых детей — город весь на панели»; «В боевом порядке распределяем работу. Быстрым перебором начинает стучать линотип»; «Газетчики на разрыв схватывают еще не просохшие листы. Шумной ватагой вылетают с газетой на улицу». [9, 1923, 11 декабря, № 1000 (282), с. 4. Богданов. Конец подполью. 25-го октября 1922 г.]

П. Ивангородский тоже написал рассказ о первом легальном номере «Красного Знамени» под названием «Без денег, бумаги и типографии». Повествование идет от первого лица и, надо полагать, личном участии автора в выпуске газеты: «меня позвали», «я понял», «с первым отходящим эшелоном я отправился во Владивосток встречать красную армию номером «Красного Знамени». Автор рассказывает о создании типографии практически с нуля и выполнении поставленной задачи Начпуармом 5 тов. Смирновым. К сожалению, другие фамилии не указаны. [9, 1923, 11 декабря, № 1000 (282), с. 4. Ивангородский. Без денег, бумаги и типографии]

Памяти Дмитрия Сергеевича Никитенко (тов. Павла — в партийной работе) посвящена заметка автора Н. А. Г-н. Она так и называется «Памяти Д. С. Ни-

китенко». Вся его деятельность протекала главным образом в Сибири, на Дальнем Востоке и, в частности, в Приморье. Партийная биография насыщена различного рода назначениями и продвижением. В конце 1921 года он прибывает в Приморье в должности члена Приморского партбюро Р. К. П. (б.) и члена военного совета партотрядов Приморья. На его плечи ложится вся партийная работа во Владивостоке. После очередного разгрома типографии и ареста членов партийной организации, ему удалось наладить выпуск «Красного Знамени» и создать нелегальную типографию на 6-м километре. Погиб при невыясненных обстоятельствах по дороге в Анучино. [9, 1923, 11 декабря, № 1000 (282), с. 4. Памяти Д. С. Никитенко]

Рассмотрев воспоминания и рассказы очевидцев о рождении газеты, её деятельности во время гражданской войны и иностранной интервенции, можно с уверенностью сказать, что именно с этих публикаций начинает складываться медийно-имиджевый образ большевистской газеты «Красное Знамя».

Первые слова признания деятельности «Красного Знамени»

Весь 1000 номер был занят материалами о газете «Красное Знамя», кроме воспоминаний в редакцию поступили поздравления, которые были объединены общим названием «Приветствия »Красному Знамени»». Одно дело воспоминания своих сотрудников, другое — оценка тех, кто читал, кто видел влияние газеты на пролетарские массы. Эти первые эпистолярные материалы официального стиля закрепили имиджевый образ издания — издания-борца, издания-бойца, издания-организатора, издания-путеводителя, боевого органа, направляющей и мобилизующей силы.

Делегаты красноармейского съезда 1-й Забайкальской стрелковой дивизии и Владивостокского гарнизона писали: «В годы чёрной реакции в Приморье оно <«Красное Знамя»> звучало призывным набатом ко всему трудящемуся народу Приморья и поднимало его на борьбу с чёрной кликой царских генералов, помещиков, фабрикантов и с интервентами. В деле освобождения Приморья доля »Красного Знамени« весьма значительна». [9, 1923, 11 декабря, № 1000 (282), с. 4. Якубовский. «Красному Знамени»]

Правление Приморского Отдела Всероссийского Союза Полиграфического Производства от имени Приморского отряда Всероссийской свинцовой армии печатников охарактеризовало «Красное Знамя», как «боевой орган рабочих Приморья, ведший шесть лет упорную, идейную борьбу с интервенцией, белогвардейщиной и их подпевалами из социал-предательского лагеря»; «он боролся с интервенцией и белогвардейщиной в тяжёлых условиях нелегальщины». [9, 1923, 11 декабря, № 1000 (282), с. 4. Гушин, Нечипоренко. Дорогие товарищи!]

Было получено приветствие от коллектива красного студенчества Г. Д. У., в котором говорилось: «Заслуги газеты «Красное Знамя», как организующей силы про-

летариата чрезвычайно велики, но не меньше заслуги «Красное Знамя» имеет в деле налаживания экономической и хозяйственной жизни Дальнего Востока, как части Союза Советских Республик». [9, 1923, 11 декабря, № 1000 (282), с. 4. Приветствие студенчества]

Рабочие корреспонденты Никольск-Уссурийского написали: «1000 номеров — 1000 зажженных, искрящихся факелов, которые ярким, руководящим, чётким пламенем вели нас по пути правильного понимания происходящих по всему миру событий. 1000 номеров »Красного Знамени« — 1000 смелых, отважных бойцов, которые доблестно сражались на фронте коммунистического просвещения и упорно прокладывают дорогу к осуществлению чаяний пролетариата всего мира — созданию Мировой Коммуны». [9, 1923, 11 декабря, № 1000 (282), с. 4. Рабочие Никольска «Красному Знамени»]

Рабочие Красного Транспорта и члены собрания комячейки № 1 Никольск-Уссурийского совместно с беспартийными рабочими отметили, что одной из наиболее популярных рабочих газет Приморья является «Красное Знамя», которая наиболее близка чувствам и мыслям рабочих. [9, 1923, 11 декабря, № 1000 (282), с. 4. Рабочие транспорта — «Красному Знамени»]

Редакционный коллектив газеты «Красный Часовой» (орган N-ского Хабаровского стрелкового полка) в юбилейном приветствии рассказал о роли газеты в рядах Красной Армии: «Когда весь Восток был занят белобандитами и интервентами, одним из главных организаторов партотрядов была газета «Красное Знамя». Всегда, когда партотряды присоединялись к регулярной Красной Армии, у них всегда были номера газеты «Красное Знамя», которая была их путеводителем. Только благодаря работе »Красного Знамени« наши ряды всегда пополнялись рабочими фабрик, заводов и транспорта. Насколько «Красное Знамя» авторитетно среди пролетарских масс, говорят цифры всего тиража и выписывание красноармейскими частями». [9, 1923, 11 декабря, № 1000 (282), с. 4. Привет тебе, «Красное Знамя»]

В 1001 номере «Красное Знамя» продолжило печатать поздравления, которые прислали газеты «Красный Молодняк», «Красная Звезда», «Приморский Крестьянин», а также — политотдел М. с. Д.В., Приморский профсоюз кооперации и рабочие полиграфического производства г. Владивостока [10, 1923, 12 декабря, № 1001 (283), с. 2. Приветствия «Красному Знамени»]

Слова признания выразила редакция газеты «Красный Молодняк»: «Печать — могучее орудие коммунистической пропаганды. Эта истина ярко отразилась в газете «Красное Знамя». Тысячный номер — лучший показатель мощи пролетарской печати на далёкой окраине СССР. Путь, проделанный »Красным Знаменем« — путь борьбы, гонений и испытаний, заставляет ещё более приветствовать эту газету в день её юбилея». [10, 1923, 12 декабря, № 1001 (283), с. 2. Приветствия «Красному Знамени»]

«Товарищеский привет закалённому в подполье, испытанному в борьбе, юбиляру — газете «Красное

Знамя», шлёт редакция «Красной Звезды». [10, 1923, 12 декабря, № 1001 (283), с. 2. Приветствия «Красному Знамени»]

Политотдел М. С. Д. В. приветствовал газету следующими словами: «Дальневосточный Красный Флот, коллективный читатель и корреспондент «Красного Знамени», приветствует тысячный снаряд тяжёлого орудия пролетарской крепости Владивосток». [10, 1923, 12 декабря, № 1001 (283), с. 2. Приветствия «Красному Знамени»]

Редакция газеты «Приморский Крестьянин» назвала «Красное Знамя» — «стойкой идейной руководительницей рабочих и крестьян», которая запечатлела «миллионами слов героическую борьбу трудящихся за их освобождение», а также отметила: «История «Красного Знамени» — это история наших революционных достижений, история растущей мощи Советской власти и коммунистической партии, составляющих одно нераздельное целое». [10, 1923, 12 декабря, № 1001 (283), с. 2. Приветствия «Красному Знамени»]

Приморский профсоюз кооперации в юбилейном приветствии отдал должное коллективу газеты «Красное Знамя» за то, что «при невероятно трудных условиях реакции и интервенции, до самого последнего момента звучал бодрый клич и призыв к борьбе с классовым врагом — международной буржуазией и их пособниками, разными предателями трудящихся». [10, 1923, 12 декабря, № 1001 (283), с. 2. Приветствия «Красному Знамени»]

Рабочие полиграфического производства г. Владивостока в своем поздравлении подчеркнули свою неразрывную связь с редакцией «Красного Знамени», назвали газету «застрельщиком социальной революции», «рабочей правдой и совестью, рабочим вождём в тяжёлой, но славной борьбе с белогвардейцами и интервентами на Дальнем Востоке». [10, 1923, 12 декабря, № 1001 (283), с. 2. Приветствия «Красному Знамени»]

Вот такими возвышенными высказываниями была оценена работа «Красного Знамени» в 1000–1001 номерах, закреплена основа медийного имиджа издания.

Юбилейный 1000 номер является уникальным и ещё и потому, что в нём для потомков сохранились личные фотографии некоторых членов редакции периода революции и гражданской войны 1917–1922 гг., а также фотографии общего плана работы редакции и типографии.

О газете «Красное Знамя» в дни юбилейных дат

Каждый год, особенно к юбилею, история газеты пополнялась новыми фактами, фамилиями, достижениями, которые выражались в приветственных словах поздравлений. К характеристике данной выше присоединяются новые критерии — вдохновитель, организатор, строитель и др.

Так, например, в честь 15-летия (1932 г.) о газете писали: «"Красное Знамя" на протяжении всех 15 лет твёрдо и последовательно проводило линию ленинской партии, решительно борясь с проявлениями правого

и «левого» оппортунизма, против контрреволюционного троцкизма, беспощадно борясь против белогвардейщины и интервентов, за власть Советов. В борьбе за построение фундамента социалистической экономики «Красное Знамя» возглавило творческий подъем масс на выполнение производственных программ. Газета «Красное Знамя» оказала конкретную помощь Дальзаводу в борьбе за ликвидацию прорыва, помогла заводу выйти в шеренгу передовых предприятий края». [11, 1932, 8 мая, № 101, с. 1. Кужелло, Куприянов, Симанчук. Дальзавод своей газете].

20-летие «Красное Знамя» встретило в роковой 1937 год, жёсткая критика не обошла и газету. Материалы третьей полосы № 102 (5803) от 5 мая были объединены общим лозунгом: «Печать — могучее орудие большевистской критики». «Тихоокеанская Звезда» критиковала коллегу в статье «Из стороны в сторону»; старший диспетчер порта В. Пастухов пожаловался: «Мы читаем вчерашние газеты», получая их на следующий день после выхода; К. Резепов в заметке «Быть газетой морского пограничного города» призывал более развёрнуто освещать вопросы оборонной работы в области и городе; В. Николаев ставил в вину газете: работу с непроверенными данными, без плана, без выводов о дальнейшей работе, что газета находится не в ладах с самокритикой, а главный её недостаток — «слабая связь с массами». И. К. Дингис, инженер, начальник котельного цеха завода «Металист», назвал критический материал «Мои замечания и пожелания», где указал на слабое освещение работы стахановцев, о неудачной подаче информации о событиях за границей, высказал пожелания видеть на страницах газеты литературное творчество приморцев, перспективы развития Владивостока, научные статьи и фельетоны. А. Моргун, член редколлегии заводской газеты «За судоремонт», ратовал за передачу опыта работы краевого издания стенновкам в заметке «Низовая печать не видит помощи». Марина Степаненко, доярка-орденоноска колхоза им. НКД Шкотовского района, в публикации «Нет показа героических будней» сетовала на отсутствие героики на страницах газеты. А работник 2-го района порта Кормишин увидел недостаток работы в воспитании молодёжи, о чём рассказал в письме «Красочнее освещать жизнь порта». «Ошибки и недостатки в работе «Красного Знамени» признавал и сам редактор газеты «Красное Знамя» тов. Станевский. [12, 1937, 5 мая, № 102 (5803), с. 3. Печать — могучее орудие большевистской критики]

Четверть века краевой орган печати встретил в 1942 году. Юбилейной дате в № 106 (7226) от 6 мая посвящено два материала. Риторика материалов вновь вернулась к истории «Красного Знамени». К героической революционной борьбе прибавились строки о том, как газета «поднимала трудовую и политическую активность масс, когда в крае создавались новые промышленные предприятия, она была действительным помощником большевиков Приморья». Как отмечено в статье «"Красному Знамени" — 25 лет»: «Газета стала звеном, связывающим наш тыл и фронт». Перед ней ставилась задача: «Быть во главе трудового подъема, широко по-

пуляризировать опыт передовых людей. <...> Быть коллективным пропагандистом, агитатором и коллективным организатором». [13, 1942, 6 мая, № 106 (7226), с. 3. **«Красному Знамени» — 25 лет**]

Второй материал под названием «Друг бойца» написал военинженер 3-го ранга, бывший сотрудник газеты «Красное Знамя» А.С. Фастов, которого война застала в Ленинграде. Он стал участником боевых сражений и написал в родную редакцию, как важно газетное слово на фронте, как газету бережно передавали из рук в руки: «Большевистское слово в газете подымает дух бойца, зовёт его на подвиги во славу родины. <...> Газета на фронте — это лучший друг бойца и командира. Всегда с нетерпением ждёшь фронтового почтальона, который вручит тебе свежий номер газеты. Прочитав её, снова хочется идти в бой и громить врага». [13, 1942, 6 мая, № 106 (7226), с. 3. **Фастов. Друг бойца**]

1952 год. Дата 1 мая выхода газеты «Красное Знамя» тонет в главных политических праздниках: 1 Мая — Дня Мира, Труда и Солидарности, и 5 мая — Дня Советской печати. «Личное» «Красного Знамени» отходит на второй план. Упор делается на печать, как «могучее оружие партии». В материалах говорится о достижениях большевистской печати всей страны [14, 1952, 4 мая, № 105 (10281), с. 1. **Могучее оружие партии Ленина-Сталина**] и, в частности, Приморья [14, 1952, 4 мая, № 105 (10281), с. 3. **Яровиков. Печать Приморья**].

Из публикаций становится известно, что газета в работе с читателями использует проведение ежегодных конференций, где ведётся обсуждение отчётного доклада, высказываются критические замечания и ценные предложения [14, 1952, 4 мая, № 105 (10281), с. 3. **На читательских конференциях «Красного знамени»**]; а также спортсмены-мотоциклисты соревнуются в традиционном мотокроссе на переходящий приз газеты «Красное Знамя» [14, 1952, 11 мая, № 111 (10287), с. 3. **Мотокросс на приз газеты «Красное Знамя»**].

1957 год. В честь 40-летия газета принимает поздравления. Вновь звучат слова признания, вновь на страницах появляются воспоминания.

Приморский Крайком КПСС и Приморский Крайисполком в приветствии отметили: «За 40 лет своего существования газета «Красное Знамя», являясь боевым помощником краевой партийной организации, проделала большую работу по мобилизации трудящихся края на выполнение директив партии и правительства в области промышленности, сельского хозяйства и культуры». [15, 1957, 5 мая, № 105 (11820), с. 1. **Редакции газеты «Красное знамя»**]

Владивостокский Горком КПСС и Владивостокский Горисполком написали: «Газета «Красное Знамя» всегда была верным помощником партии, стояла на передовых позициях борьбы за коммунизм, неустанно спланировала и мобилизовывала трудящихся города Владивостока на успешное выполнение важнейших задач хозяйственного и культурного строительства». [15, 1957, 5 мая, № 105 (11820), с. 1. **Редакции газеты «Красное знамя»**]

Подборка воспоминаний опубликована под общим названием «Так было...». Я. Лихач рассказывает о том, как

изготавливали оборудование для законспирированной типографии «Красного Знамени», как доставали для неё шрифты, как потом отпечатанную газету распространяли с риском для жизни среди рабочих. [15, 1957, 5 мая, № 105 (11820), с. 2. **Лихач. При поддержке рабочих**]

А. Федин принимал участие в выпуске первого номера «Красного Знамени». Он осветил факт, как ему — печатнику-наборщику по профессии — «по поручению партийной группы пришлось взять верстку, встать за кассу и приступить к набору текста газеты». [15, 1957, 5 мая, № 105 (11820), с. 2. **Федин. В канун Первомай**]

В. Нестерову, бывшему начальнику наборного и литья цехов типографии № 1 крайполиграфиздата, «довелось участвовать в создании подпольной типографии и нелегальном выпуске газеты». Этими воспоминаниями он поделился в заметке «В подполье». [15, 1957, 5 мая, № 105 (11820), с. 2. **Нестеров В. В подполье**]

Безымянный автор статьи «Перелистывая страницы газеты...» провёл, как сейчас модно называть, пресс-клиппинг публикаций на тему «борьбы и побед народа, весь его героический путь». Прослеживает смену событий и риторику содержания: «С её страниц звучали пламенные призывы к неустанной борьбе. <...> Радостным становится содержание газеты, когда вся белая и иностранная вооружённая нечисть была сметена <...>. Каждая газетная строчка того далёкого времени дышит революционным пафосом, с которым рабочие и крестьяне приступили к строительству мирной жизни. <...> 1929 год. Мирный труд прерывает гнусная провокация на Китайско-Восточной границе. <...> Звучит гневный голос трудящихся. <...> Светлый праздник Победы над гитлеровскими ордами — все эти события встают на страницах газеты. <...> И снова мирные дни. <...> По этим страницам мы видим, как перестраивается всё хозяйство Приморья. <...> Во всём своём величии встают замечательные дела рабочих, крестьян, интеллигенции нашего края <...>». [15, 1957, 5 мая, № 105 (11820), с. 2. **Перелистывая страницы газеты...**]

В 1967 году в связи с 50-летием со дня выхода первого номера и за заслуги в коммунистическом воспитании трудящихся Приморского края, мобилизации их на выполнение задач хозяйственного и культурного строительства Указом Президиума Верховного Совета СССР приморская краевая газета «Красное Знамя» награждена орденом Трудового Красного Знамени. [16, 1967, 1 мая, № 103 (14893), с. 1. **Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 апреля 1967 г.**]

В поздравлениях 1967 г. повторяются заслуги газеты за прошлые годы и добавляются новые: «С деятельностью «Красного Знамени» тесно связаны крупные успехи, достигнутые в индустриализации и коллективизации края, в освоении Северного пути, в развитии рыбной, лесной, горнодобывающей промышленности и строительстве новых городов-портов». [16, 1967, 1 мая, № 103 (14893), с. 1. **Редколлегия «Известий. Редакции газеты «Красное Знамя»**]

50-летнюю историю газеты осветил редактор «Красного Знамени» В. Чухланцев в статье «Полувековой

путь», добавив новые успехи и новые фамилии людей, которые создавали славу краевого издания. [16, 1967, 1 мая, № 103 (14893), с. 2. Чухланцев В. Полувековой путь]

В 1972 г. газета «Красное Знамя» в свою 55-ю годовщину образования отдаёт страницы под освещение теле- и радиовещания. Вышло три материала: «Могучее идейное оружие» — С. Юрченко, председателя Приморского краевого комитета по телевидению и радиовещанию [17, 1972, 7 мая, № 107 (16422), с. 2. Юрченко С. Могучее идейное оружие]; «На службе народу» — А. Павличенко, начальника Приморского краевого производственно-технического управления связи [17, 1972, 7 мая, № 107 (16422), с. 2. Павличенко А. На Службе народу]; и «Пути в эфир» — Г. Климова, корреспондента «Красного Знамени» [18, 1972, 12 мая, № 110 (16425), с. 4. Климов. Пути в эфир].

С 60-й годовщиной «Красное Знамя» поздравили коллеги центральных газет «Правда» и «Известия». Редакционная коллегия «Правды» назвала газету-юбилера «верным другом и помощником трудящихся Приморья» и подчеркнула, что «"Красное Знамя» активно и целеустремленно освещает ход борьбы за осуществление исторических решений XXV съезда КПСС, массового соревнования в честь 60-летия Великого Октября. Газета показывает на лучших образцах, как надо работать эффективно и высококачественно, досрочно выполнять задания десятой пятилетки...». [19, 1977, 5 мая, № 105 (17946), с. 1. Поздравления «Правды»]

Редакционная коллегия «Известий» напомнила, что «с первого номера газета всегда была надёжным и верным помощником краевой партийной организации, вела борьбу за светлые ленинские идеалы. Ныне своим партийным словом «Красное Знамя» мобилизует массы трудящихся на успешное решение грандиозных задач». [19, 1977, 5 мая, № 105 (17946), с. 1. Поздравления «Известий»]

Передовицу «На переднем крае» в честь Дня печати написал К. Харченко, секретарь крайкома КПСС. Он назвал «Красное Знамя» — «флагманом приморской прессы», создающего день за днём летопись Советского Приморья. [19, 1977, 5 мая, № 105 (17946), с. 1. Харченко К. На переднем крае]

А на второй странице соб. кор. М. Дубранов рассказал о рабкоре с 50-летним стажем из совхоза имени Сун Янсена: «До поздней ночи в окне квартиры А. М. Сухаря не гаснет свет. После напряжённого трудового дня он остаётся наедине со своими мыслями, наедине с чистым листом бумаги. <...> Через всю свою сознательную жизнь достойно пронёс Алексей Михайлович Сухарь высокое звание сельского корреспондента». [19, 1977, 5 мая, № 105 (17946), с. 2. Дубранов М. Полвека в строю]

Поздравляя газету «Красное Знамя» с 70-летием (1987 г.), Правление Союза журналистов СССР написало следующие слова: «Это старейшая большевистская газета на Дальнем Востоке, которая внесла большой вклад в социально-экономическое развитие Приморья». [20, 1987, 1 мая, № 100 (21946), с. 1. Газете «Красное Знамя»]

Исторический экскурс совершила Тамара Калиберова в статье «Гордой истории строки». Её путь лежал по улицам Владивостока, названных в честь первых редакторов «Красного Знамени», она «останавливалась» у домов, где печаталась газета, приглашала читателей к участию: «Давайте пройдем по первым краснознаменским адресам, которые помогут ближе соприкоснуться с историей газеты, а значит, и края, с её судьбой, а значит, и с нашей судьбой». [21, 1987, 5 мая, № 102 (21948), с. 4. Калиберова Т. Гордой истории строки]

1 января 1992 года газета извинялась перед читателями за то, что не выполнила своих обязательств: вместо 260 номеров, выпустила только 246. Причина: «Дважды за год выпуск «Красного Знамени» приостанавливался. В роковом августе ретивые местные руководители желали расправиться с неугодной газетой, которая, видите ли, хотела иметь своё мнение об их дееспособности и компетентности. И повод нашёлся — партийное прошлое». Т. е. то, что раньше ставилось в заслугу, теперь стало поводом для обвинения. Причина — лихие 90-е. Газета не хотела никому угодить, а также, как прошлые годы, говорить правду. Редакция подробно рассказывает о трудностях, с которыми пришлось столкнуться: это снижение доходов и тиража, уменьшение полос, повышение услуг доставки и полиграфии, дефицит бумаги, отсутствие дотаций. А главное, Закон о СМИ от 19 декабря 1991 г. По нему можно «подвести юридическую базу под любое смелое выступление журналистов, неугодное большим и малым правителям», — была в набат газета. [22, 1992, 1 января, № 1 (22550), с. 2. Слово к читателю]

Несмотря на трудности, редакция подготовила ряд публикаций, посвященных 75-летию издания: Слово к нашим друзьям; Они были первыми; ...Лето 1918 года; Порыв; Как нас «поправляли»; За очерком о гарпунёре; и др.

В статье «Слово к нашим друзьям» сообщается, что «Красное Знамя» перестало быть органом крайкома КПСС и является независимой общественно-политической газетой, и в то же время осталось «правопреемником «Красного Знамени», вышедшего 1 мая 1917 г». [22, 1992, 22 февраля, № 28 (22577), с. 1. Слово к нашим друзьям]

В заметке «Они были первыми» напомнили читателям о редакторах Нейбуте и Чужаке-Насимовиче. [22, 1992, 4 марта, № 31 (22580), с. 2. Они были первыми]

Из книги «Годы и строки» (1967 г.) в нескольких номерах поместили воспоминания сотрудников редакции и типографии «Красного Знамени» Т. Головиной и Э. Каганской.

Т. Головина, бывший корректор подпольной типографии «Красного Знамени» 1919–1920 гг., член партии с 1918 г., вспоминала о подпольной работе, о распространении газеты. [22, 1992, 12 марта, № 35 (22584), с. 3. Головина Т. ...Лето 1918 года]

Э. Каганская рассказала о японской провокации в марте 1936 г., о стихийном патриотическом подъеме масс, о массовом проявлении благодарности читателей, которые несли в редакцию письма и посылки для со-

ветских пограничников. [22, 1992, 19 марта, № 38 (22587), с. 3. Каганская Э. Порыв]

Г. Малахов в рассказе «За очерком о гарпунёре» повествует о редакторском задании написать материал о знаменитом китобое Илье Григорьевиче Коновалове и своих «китобойных» приключениях. [22, 1992, 4 апреля, № 45 (22593), с. 2. Малахов Г. За очерком о гарпунёре]

Арон Иосифович Стоник, бывший директор издательства редакции газеты «Красное Знамя», рассказал о некоторых эпизодах борьбы в 80-е годы с партийной бюрократией в статье «Как нас »поправляли«. В конце статьи он заключил: »Вспоминая всё это, я горжусь, что моя родная газета умела с достоинством отстаивать свою позицию и не поддавалась диктату нечистоплотных партийных чиновников«. [22, 1992, 28 марта, № 42 (22591), с. 2. Стоник А. Как нас »поправляли«] Тем самым подтвердил, что газета многие годы спустя оставалась верна ленинским принципам, за которые боролась и которые отстаивала на протяжении всей деятельности.

80-летие газета встретила в оппозиции и противостоянии местной власти. Эту ситуацию подробно изучил и описал Вячеслав Иванович Фёдоров в диссертационной работе «Опыт реформирования средств массовой информации Дальнего Востока в 1991–2001 гг.». Он констатировал: «По оценке исследователей, главной проблемой середины 1990-х — начала 2000-х гг. являлась чрезмерная экономическая и административная зависимость региональных СМИ от местных властей, прежде всего, от исполнительных органов. <...> Характер деятельности региональных СМИ в 1990-х гг. в Приморском крае, как нигде на Дальнем Востоке, определялся противостоянием административной элиты». [29, Фёдоров]

С марта 1997 г. в связи с приближающейся юбилейной датой редакция приступила к публикации серии материалов, но, как потом писала газета, «<она> была сорвана акцией »доброжелателей«, также было отмечено, что »никогда за всю историю газеты она не встречала свой день рождения в столь трудной обстановке«. [23, 1997, 24 июня, № 70 (23390), с. 3. Вагин Виктор. Самые лучшие годы]

А Мария Талалаева, заведующая отделом писем, отметила: «По-разному сейчас оценивают прошлое нашей страны, кому-то хочется предать его забвению, потому и в так называемое перестроечное время, и уже после перестройки градом сыпались атаки на газету, предпринимались (и предпринимаются) меры, чтобы её закрыть, стереть из памяти. <...> «Красное Знамя» на протяжении всей своей истории было народной трибуной, держало тесную связь с читателями. И сейчас позиция газеты неизменна — отстаивать социальную справедливость, права человека». [23, 1997, 4 марта, № 25 (23345), с. 2. Талалаева Мария. Наше наследие бережём нам]

В № 29 за 1997 г. газета напомнила читателям о революционных событиях 1917 г. Поднял эту тему Владимир Ембулаев, доцент, кандидат технических наук,

в статье «Что было 80 лет назад — забыли». [23, 1997, 15 марта, № 29 (23349), с. 2. Ембулаев Владимир. Что было 80 лет назад — забыли]

В этом же номере два материала посвящено историческим событиям «Красного Знамени». Вновь вспомнили первого редактора Арнольда Яковлевича Нейбута [23, 1997, 15 марта, № 29 (23349), с. 2. Первый редактор], а также разместили воспоминания Якова Кокушкина, также одного из первых редакторов большевистской газеты «Красное Знамя», под названием «У истоков», о деятельности газеты в период 1917–1922 гг. [23, 1997, 15 марта, № 29 (23349), с. 2. Кокушкин Я. У истоков]

По материалам книги «Годы и строки» в № 35 (1997 г.) была помещена статья «К делу — все!», рассказывающая о первом свободно вышедшем номере «Красного Знамени» 25 октября 1922 г. и событиях этого дня на улицах Владивостока. [23, 1997, 29 марта, № 35 (23355), с. 2. «К делу — все!»]

1-го апреля 1997 г. спецкор «Красного Знамени» Леонид Шинкарёв рассказал о командировке и участии в тунцеловой экспедиции на двухмачтовом клипере «Нора» в Индийском океане, откуда привёз захватывающую историю о героических буднях рыбаков. [23, 1997, 1 апреля, № 36 (23356), с. 2. Шинкарёв Леонид. Под звёздами Южного Креста]

5-го апреля того же года вышла статья-воспоминание Александра Дурасова, который рассказал о командировке к пограничникам на границу в район Хунчуня и знакомстве с пулемётчиком Фёдором Крайновым. Когда статья была готова к печати, пограничник погиб. Она вышла в свет с пометкой о случившейся трагедии. [23, 1997, 5 апреля, № 38 (23358), с. 2. Дурасов Александр. Герои не умирают]

Виктор Вагин, ещё один бывший редактор «Красного Знамени», участник Великой Отечественной войны, рассказал о себе и работе в газете, о том, как в 26 лет возглавил редакцию, как попал на фронт, как в качестве специального корреспондента Главного Политуправления Военно-Морского Флота СССР был направлен на Юго-Западный фронт. Вспомнил он имена коллег-журналистов, писателей, а также метранпажей, линотипистов, верстальщиков, машинисток, стенографисток, техсекретарей и др. [23, 1997, 24 июня, № 70 (23390), с. 3. Вагин Виктор. Самые лучшие годы]

К 100-летней дате вышло несколько материалов о «Красном Знамени», но не на его страницах, а на других информационных площадках: PrimaMedia, Vestiregion и др.

В связи с юбилейной годовщиной первой большевистской газеты Дальнего Востока в Приморской краевой публичной библиотеке имени Максима Горького была организована выставка [1, Во Владивостоке открылась выставка...], здесь же прошло и торжественное собрание, посвященное юбилею.

За подписью Григория Климова, одного из редакторов «Красного Знамени», опубликовано две статьи. Одна для газеты «Утро России» под названием «Коллективный организатор» [6, Климов, Коллективный организатор],

другая для сайта trud-ost — «100-летие приморской газеты «Красное Знамя»: строки, ставшие историей». [5, Климов. 100-летие приморской газеты ...] Обе посвящены первым годам выхода газеты. Жаль, что мало информации о редакторах послереволюционного периода.

Как писала PrimaMedia: «Последние свои годы газета «Красное Знамя» выходило нерегулярно, с большими перерывами. Её последние номера были похожи на агитационные листовки. С 1997 года в газете журналистов не было. Последний раз Владимир Шкрабов её выпускал к выборам губернатора Сергея Дарькина. С читателями газета не попрощалась, о закрытии не объявила. <...> «Красное Знамя» — единственная из партийных агитационных региональных газет на Дальнем Востоке, которая прекратила существование». [2, Газета Красное Знамя: от подпольной типографии ...]

Вот так в 90-е годы закончилась славная история «Красного Знамени». Газета осталась в памяти приморцев бойцом в годы гражданской войны и интервенции, агитатором и строителем нового социалистического государства, вдохновителем и организатором трудящихся масс, до последних дней верной ленинским принципам.

Заключение

Итоги пресс-клиппинга по юбилейным датам показывают, что деловая репутация и медийно-имиджевый образ «Красного Знамени» формировались на основании характеристик деятельности газеты, данных ей читателями, коллегами и руководителями различного уровня на протяжении многих лет. Общая риторика материалов не менялась, имидж издания подтверждался и укреплялся от юбилея к юбилею. На снижение популярности издания не повлияли критические материалы 1937 года, не понизило имедживый статус и противостояние с властью в 1990-е годы. Заслуги «Красного Знамени» перед обществом и 20 лет спустя после закрытия всё также удерживают высокую планку, о чём свидетельствуют публикации 2017 г. Последний главный редактор Юрий Шадрин, так сказал: «Мало кто дотягивал до »Знамени«. ...> Эта газета, как штырь в XX веке — главная! ...> Газета прожила революцию, советский период. Писала о коллективизации, индустриализации, ханских событиях, о войне, разрухе, о восстановлении. И в конце — о том, как ушла эпоха». [2, Газета Красное Знамя: от подпольной типографии ...]

Литература:

1. Во Владивостоке открылась выставка, посвящённая 100-летию приморской газеты «Красное Знамя» [Интернет ресурс] / [Режим доступа] <http://vestiregion.ru/2017/04/20/vo-vladivostoke-otkrylas-vystavka-posvyashhyon-paya-100-letiyu-primorskoj-gazety-krasnoe-znamya/> / Опубликовано 20.04.2017 // Дата обращения 6.11.2017
2. Газета Красное Знамя: от подпольной типографии к многотысячным тиражам — PrimaMedia [Интернет ресурс] / [Режим доступа] <http://primamadia.ru/news/587048/> / Опубликовано 01.05.2017 // Дата обращения 06.11.2017
3. Иванов с. «Красное Знамя» в борьбе с интервентами и контрреволюцией (29.10.1958) [Текст] / ГАПК.Ф.370.ОП.1.Д.13.Лист 1–10
4. Климов Георгий. 100-летие приморской газеты «Красное Знамя»: строки, ставшие историей [Интернет ресурс] / [Режим доступа] <http://trud-ost.ru/?p=499327> / Дата обращения 06.11.2017
5. Климов Георгий. 100-летие приморской газеты «Красное Знамя»: строки, ставшие историей [Интернет ресурс] / [Режим доступа] <http://trud-ost.ru/?p=499327> / Дата обращения 6.11.2017
6. Климов Георгий. Коллективный организатор [Текст] / Утро России. — 2017. — 22 апреля. — № 29 (5189). — с. 4
7. Колбин Н. Первая большевистская газета на Дальнем Востоке [Текст] / ГАПК.Ф.370.ОП.1.Д.11.Лист 1–7
8. Красное Знамя / — Владивосток / — 1922, 1 мая. — № 5. — с. 1
9. Красное Знамя / — Владивосток / — 1923, 11 декабря. — № 1000 (282). — с. 1–4
10. Красное Знамя / — Владивосток / — 1923, 12 декабря. — № 1001 (283). — с. 2
11. Красное Знамя / — Владивосток / — 1932, 8 мая. — № 101. — с. 1
12. Красное Знамя / — Владивосток / — 1937, 5 мая. — № 102 (5803). — с. 3
13. Красное Знамя / — Владивосток / — 1942, 6 мая. — № 106 (7226). — с. 3
14. Красное Знамя / — Владивосток / — 1952, 4 мая. — № 105 (10281). — с. 1,3
15. Красное Знамя / — Владивосток / — 1957, 5 мая. — № 105 (11820). — с. 1,2
16. Красное Знамя / — Владивосток / — 1967, 1 мая. — № 103 (14893). — с. 1,2
17. Красное Знамя / — Владивосток / — 1972, 7 мая. — № 107 (16422). — с. 2
18. Красное Знамя / — Владивосток / — 1972, 12 мая. — № 110 (16425). — с. 4
19. Красное Знамя / — Владивосток / — 1977, 5 мая. — № 105 (17946). — с. 1,2
20. Красное Знамя / — Владивосток. — 1987, 1 мая. — № 100 (21946). — с. 1
21. Красное Знамя / — Владивосток / — 1987, 5 мая. — № 102 (21948). — с. 4
22. Красное Знамя / — Владивосток / — 1992
23. Красное Знамя / — Владивосток / — 1997
24. Крушанов А. И. Победа Советской власти на Дальнем Востоке и в Забайкалье (1917-апрель 1918 г.) [Текст] / Дальневосточное книжное изд-во. — Владивосток. — 1983. — 232 с. / с. 224

25. Кутенких Николай. Газета поперёк Владивостока и через 95 лет [Интернет ресурс] Опубликовано 27.04.2012 / [Режим доступа] <https://vostokmedia.com/news/society/27-04-2012/gazeta-poperyok-vladivostoka-i-cherez-95-let/print/> / Дата обращения 06.11.2017
26. Мокеев Юрий. Это наша с тобой биография. «Красному знамени» исполняется 90 лет // Утро России. — № 3709 (063) от 28.04.2007 г. // [Интернет ресурс] Опубликовано 02.05.2007 / [Режим доступа] <http://www.uto-rossii.ru/category/%E2%84%96-3709-063-%D0%BE%D1%82-28-04-2007-%D0%B3/> / Дата обращения 20.12.2015
27. Попов с. «Красное Знамя» в борьбе за власть Советов [Текст] / ГАПК.Ф.370.ОП.1.Д.12.Лист 1—13
28. Пресс-клиппинг (от англ. press-clipping — «вырезки из прессы») — подборка газетных вырезок по определенному направлению, отсканированных страниц, печатных СМИ и копий компьютерного экрана интернет-сайтов, содержащих публикации по интересующим темам. [Интернет ресурс] / [Режим доступа] <http://cyclowiki.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%81-%D0%BA%D0%BB%D0%B8%D0%BF%D0%BF%D0%B8%D0%BD%D0%B3/> / Дата обращения 05.03.2018 г.
29. Фёдоров В. И. «Опыт реформирования средств массовой информации Дальнего Востока в 1991—2001 гг». [Текст] / дис...к.истор.н. 07.00.02. Место защиты Хабаровск / — 2004. — 234 с. / с. 124, 151
30. РИА PrimaMedia. Газета Красное знамя: от подпольной типографии к многотысячным тиражам — PrimaMedia [Интернет ресурс] / [Режим доступа] <http://primamedia.ru/news/587048/> / Дата обращения 06.11.2017

Analyzing news stories: content and comment

Omonova Parvina

Gulomova Ziyodakhon

The Uzbek State World Languages University

Talking about the language and style of news programs in English language on Uzbek television, one can say that most of the scripts are written in Uzbek or Russian, first and then translated in English, that resulted into a kind of calque language — structure of sentences and words used resemble Uzbek (or Russian) newswriting styles.

Hiley Ward explains the difference between print and broadcast journalism and newswriting in both media in his *Professional Newswriting*. «Newspaper readers review — reread — an article for clarification. Radio listeners and television viewers cannot »re-hear« or »re-see« information. When words and pictures emerge from electronic boxes, they have only one chance to get the message», the book says.

All the standards and recommendations for better journalism are developed in consideration of audience comprehension and more improved media influence. Our investigations, particularly, survey among fluent-in-English students showed that Euronews does translate hard-to-understand political or administrative terms into people's language, though the problem it has concerns the usage of numbers too frequently — several statistical facts in one paragraph. The results of the case with *Poytakht News* showed that there are following aspects that avoid good perception and understanding:

- Long sentences
- Repetitions & Tautology
- Mispronunciation
- Hard words to understand
- Word order

We would like to analyze a news story from the issue that we presented our surveyed group — *Poytakht News* from April 14, 2017:

Anchor: The annual national exhibition of banking services, technology and equipment — BANK EXPO 2017 opened its doors on March 12 in Tashkent. Having many years experience, it has become a significant event [and] for the improving the stability of the financial and banking system of Uzbekistan, effective dialogue between the participants of the banking sector of the country.

Comments: 1. Compared to this rewritten version of the speech, this is less comfortable to understand. «BANK EXPO 2017 opened its doors on March 12 in Tashkent. It is an annual national exhibition of banking services, technology and equipment. The story tells you more about this event that, according to specialists, has contributed for the stability of banking system.»

2. «Service» is mispronounced

3. «Improving the stability» is incorrect logically. Stability cannot be improved, but guaranteed/given/provided

4. «and» is extra in the second sentence

5. Too many definite articles given, where unnecessary.

6. Second sentence is too long. Host makes a full stop after the word «Uzbekistan» and continuation of the sentence — «effective dialogue between the participants of the banking sector of the country» remained as an uncompleted sentence.

Content. Voice-over: Bank Expo is the largest regional event in the banking sector. One of the main features of the current exhibition is that it was attended by the record number of organizations: banks, insurance and investment companies, companies engaged in the development of software products for financial institutions. This year's exhibition presented a wide range of modern banking and finance technology and interactive services, including internet

banking, mobile banking as well as other IT products, which are not being implemented in Uzbekistan. During two-days exhibition, commercial banks, credit organizations, large insurance and leasing companies, IT firms of our country presented their latest products and technologies.

The visitors could receive information on achievement and perspectives of the banking sector of Uzbekistan. They provided information on their products to small and family businesses, graduates of educational establishments as well as businesswomen. The event was a good opportunity to get acquainted with a variety of proposals of the existing services market as well as to consult with experts. It should be noted that the second day of the exhibition included an extensive program in the course of which seminars, presentations, meetings and workshops have been held. Additionally, the number of commercial banks awarded certificates for the right to receive a preferential credits for the small and private entrepreneurship. It can be said with confidence that the exhibition provided the participants and guests with a good opportunity to exchange information and experience, got acquainted with the achievements and

perspectives of the development of the national banking sector, and expanded mutually beneficial partnership between the representatives of banks and businesses.

Comments: Sentences used are long. Second and third sentences are 34 words long, while the last sentence is exceeding to 50 words, containing several participle clauses. «Banking sector» is repeated for several times, «achievements and perspectives of the national banking sector» is repeated twice. «The visitors could receive information» is an ambiguous phrase, as «could» can refer to different meanings. «The visitors have been able to receive information» would be better choice for television news reporting, though contextual comprehension can help people here to find out the meaning. Last sentence is confusing in terms of subject and predicate correspondence:

It can be said with confidence that the exhibition provided the participants and guests with a good opportunity to exchange information and experience, got acquainted with the achievements and perspectives of the development of the national banking sector, and expanded mutually beneficial partnership between the representatives of banks and businesses.

References:

1. Ward, Hiley. Professional Newswriting. — USA, 1985
2. Kevin, Deirdre; Pellicanò, Francesca; Schneeberger, Agnes. Television News Channels in Europe — European Audiovisual Observatory, 2013

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

The translation of children's literature: culturally-bound words and expressions in the light of skopos theory

Gabdullina Zarina Eslyambekovna, teacher;
Kussainova Gulzhan Maratovna, teacher
Kokshetau State University named after Sh. Ualikhanov (Kazakhstan)

*Nowadays it is a common practice to describe the role of the translator as a mediator who establishes a «dialogue» between the source text and its target readers. Nowhere else is the mediating role of the translator so strongly felt as in translation of children's literature. This is due to the fact that for children who do not master foreign languages translations are viewed as a bridge of entering into genuine contact with foreign literatures and foreign cultures. Nevertheless, every book written for children includes a number of translation challenges among which cultural interference appears as the most crucial. With regard to this, some chapters from the contemporary children's novel *Awful Auntie* has been translated with an aim to shed light on the cultural differences when translating children's literature from English into Russian. The translation is performed in the light of Hans Vermeer's skopos theory, and the commentary assesses to what extent the principles of the skopos paradigm has been successfully applied to the translation of the chosen chapters.*

Key words: translation, children's literature, skopos theory, culturally-bound words.

The children's novel *Awful Auntie* written by the famous English comedian and author David Walliams is probably one of the most popular children's books in the UK. Published in 2014 the book has become the UK's best-seller, while its author was declared as the new Roald Dahl — the British iconic children's author whose writings include the famous *Charlie and the Chocolate Factory* and the equally well known *BFG*. As well as the Dahl's literature masterpieces, *Awful Auntie* received much critical acclaim and was met with high marks from the reviewers [1].

Nowadays David Walliams' place within the British children's literature is in the front rank. His books gained enormous success among children as well as reached a wide audience among the adults. *Awful Auntie* is the seventh book by Walliams, and as another children's author Philip Ardagh [2] admits his «best book yet». *Awful Auntie* presents a story of Stella Saxby, a teenage girl whose parents were killed in a car accident and whose dreadful aunt Alberta is plotting to trick her out of her inheritance. After Lord and Lady Saxby die, Alberta and her Bavarian Mountain owl named Wagner launch a plan to stop Stella at nothing to get the family home, Saxby Hall, from her. Other characters featured in the present novel are Soot — the cockney ghost of a chimney sweep helping Stella to expose her aunt's plot and fight back, and the «ancient» butler Gibbon — one of the most eccentric among all the Walliams' characters that brings to the novel an additional vein of humor. Firstly using a ghost as one of the main characters of the story, Walliams has successfully created the quite spooky novel savored with his audacious sense of humor. Such a deci-

sion was warmly welcomed by the target audience, the children of 12–13 years old, and the book immediately became a bestseller. Six million copies sold only in the UK show the author's success and the recognition from the public [3]. Here it worth mentioning that the clear author's style became a guarantee of Walliams' reputable place in the contemporary British literature. His extraordinary characters, the particular way of writing, great illustrations and the wacky humor became the writer's calling card. As a result, Walliams' books are easy to read, and as Sue Townsend [4] fairly admits «give you another insight into Walliams; you realise that he is on the side of children». Indeed, the author's writing creativity reflects the language that children speak and the culture they grow up in. Therefore, the Walliams' books are replete with culturally bound expressions, slang and made-up words. The novel under the present analysis constitutes no separate exception. All the features mentioned previously form the basis of *Awful Auntie* which in its turn presents a particular interest for a translator.

Before examining the challenges behind the process of translating *Awful Auntie*, firstly it is important to present a detailed description of the subject matter, i.e. the main patterns of translating for children. Children's literature has always been considered as the subject of the tremendous translation activity [5, pp. 14–25]. Nevertheless, for the present moment the debates about its translatability have become more frequent and widespread. As O'Connel [5, pp.14–25] states this is due to the fact that children's literature still remains largely ignored both in translation research and training. In another line of investigation into children's lit-

erature, Stolt [6, pp.67–83], as well as Thomson-Wolgemuth [7], make a similar assertion by saying that in the theoretical works in this subject one hardly finds anything relevant. As a result, nowadays translating for children is increasingly recognized as a literary challenge in its own right. However, the reason lies not only in the fact that the research on children's literature translation is still in its formative stages. The reason is that there are a lot of specific translation problems which require a special kind of attention by a translator. For example Spink [8, pp.16] states, when we embark on translating for children we have to go through several steps which include cultural, intellectual, emotional, social, moral and those concerning children's personality and world knowledge. Moreover, if we accept the fact that children's literature is a separate genre in its own right, then we must acknowledge that it requires an imaginative and creative translator who is always aware how special the audience is. Therefore, unlike the translator for adults, the translator of children's literature must define the characteristic features of the target audience: their knowledge, level of experience, stage of emotional development and the ability to adapt and learn new information. This is because «children's literature is based on the idea that there is a child who is simply there to be addressed and that speaking to it must be simple» [9, pp.1]. This idea underlines the main difference between adult and children's literature, which resolves itself in the target reader. Apart from what has been stated above, one more important feature of children's literature must not be ignored. Any text translated for children should accord with the established standards of social formality in the specific culture which in most cases poses the greatest difficulty for the translator. The reason is that he/she must constantly consider how far the target recipients can acquire the experience of the foreign cultures and other unknown facts. This struggle between keeping most of the original sense and regard for the intended readers is a fundamental concern in the context of children's literature. Moreover, it is one of the greatest obstacles in the process of creating a high quality translation.

From what have already been written above, it could be concluded that the process of children's literature translation is tightly interwoven with the requirements of the target audience. This means that while translating for children the translator has a specific goal or *skopos* which is to move in the direction of children's needs for the sake of producing a translation that considers the sensitivity and vulnerability of the taste of the target readers [10]. In other words, in terms of children's literature *skopos theory* places the child to the centre of the translation process. In order to understand this argument that leads us to Hans J. Vermeer's translation theory, firstly it is necessary to reveal the idea behind *skopos paradigm*. *Skopos paradigm* or *skopos theory* was firstly introduced by the German scholar Katharina Reiss, and later in 1978 Hans J. Vermeer formulated it as the *skopos rule*. This approach to translation stresses the importance of the function of the translation, and as Askari et al. [10] admits «scrutinizing the real and exact function of the target translation is the sole and mere aim of *skopos paradigm* in general». In other words, under *skopos theory* the source text is no more sa-

cred, i.e. the priority is given to the target text and its recipients. Therefore, in the context of the children's literature, *skopos theory* focuses on *a child as a reader*. Within the boundaries of *skopos theory* the translator is given freedom to decide what principles will constitute his/her translation approach. This emphasizes the role of the translator as the creator of the target text whose «final translation product is a text which has the ability to function appropriately in specific situations and context of use» [11, pp.3]. Therefore, *skopos theory* states that in order to make the translation work in the target culture, it is important to analyse the target readers' requirements. As it follows, the role of the translator involves more than just transferring a text from one language into another. This idea moved *skopos theory* to a higher linguistic level towards the communicative purpose of translation which assumes target-cultural environment or intercultural communication. To confirm this Vermeer [12, pp.109] highlights that «the translation must make sense within its communicative situation and culture». In this way, the requirements of the target readers should be achieved and the communication between different cultural domains should be established. Therefore, it becomes clear that in the context of *skopos theory* translation is regarded as «a cultural product» and the process of translation as «a culture-sensitive procedure» [12, pp. 10]. Thus, *skopos theory* views translation as the process of intercultural communication which is particularly important while translating such a novel as *Awful Auntie*.

While translating *Awful Auntie* culturally-bound words appeared to be especially problematic. The first culturally embedded expression is *Tiddlywinks* which can be found in chapter three *A Beastly Child*. The word *Tiddlywinks* as it is explained in *Awful Auntie* stands for «...a very popular game at the time played with a pot and different sized discs or »winks« [13, pp. 47]. It is interesting to note that the explanation of this word is given by the writer himself, just after the first mention of it. This indicates that the author considers this word problematic even for British children's understanding. On the other hand, in Walliams' definition it is mentioned that the game was popular »at the time«. As the book describes events that take place in the early 1930s, the writer's explanation is well founded. There is a strong possibility that the provided definition makes the author sure that the word *Tiddlywinks* will not distract children from the reading process as there is no need to search the definition in the dictionary. As we can see, the writer tries to present the term in the most understandable way for his readers. Therefore, the same should be done in the Russian translation. However, when we embarked on the translation of *Tiddlywinks* we came to the conclusion that the additional information provided by the writer does not make the meaning of this word apparent. The reason is that the definition explains only the game rules, but the word itself remains unrevealed. In terms of how to deal with this word in translation, there appeared two possible options. The first was simply to transliterate the word from the English alphabet into Russian and provide the descriptive definition as the writer did. However, this simple automatic process carries a risk to produce a sense of foreignness in the

target culture because it does not fully express the internal semantic scope of the term. Moreover, such a description could be considered useful, but not necessarily by all the readers. The second option, therefore, was to find the closest counterpart with which the Russian readers would be familiar. Thus, to make our translation function in the target culture we used the name of the Russian game called Игра в Блошки as the equivalent for Tiddlywinks. This option was chosen not at random, but has some reasons behind it. Firstly, as my own research showed, both the games represent a kind of indoor game which have the same rules and exactly the same playing equipment. Therefore, as the Russian equivalent exists it was decided to choose the second possible option. We posit that such a decision helps to avoid misunderstanding caused by a concept that makes no sense in the target culture and emphasizes the role of the child as the reader. Moreover, this gives the priority to the purpose of producing a target text that is easy to understand and read by its recipients. In support of our position Vermeer and Reiss (1984:4) state that «skopos requires equivalence of functions between the source and target texts». For another thing, the second option was chosen because it allows the use of the existing Russian equivalents associated with the game Игра в Блошки while translating the rules of Tiddlywinks. For example, such words as *wink* and *squidger* which have no direct equivalences in the Russian language were translated as блошки and фишка, i.e. with the help of the words that are used to describe the playing equipment in the Russian game. Thus, the decisions applied in both these cases were determined by the skopos of the present translation. As the result, the terms that appeared as a translation challenge express exactly the same meaning as they do in the original text. In this cases equivalence may be one possible aim in the translational action that allows to be coherent with the target readers. One more issue that should be mentioned here is that some information from the original text was omitted. For example, in the sentence 'One Christmas, Chester bought his big sister The Tiddlywinks Rulebook by Professor T. Wink' [13, pp.51] the words 'by Professor T. Wink' were intentionally omitted in the target text. It was decided that the presence of them indicate a kind of explanation which cannot be provided due to the translation decision above. Moreover, if to leave these words the translated sentence would sound weird as there is no connection between the Russian game and Professor T. Wink. As skopos theory allows to judge which information to add or omit from the source text the translation decision in this particular case is considered as the appropriate one.

To return again to the problem of cultural interference there were several points which appeared as the biggest challenge to process for the readers with a different cultural background. Under these translational challenges we united the translation of slang and idiomatic expressions which would not be recognizable to a non-specialist Russian reader. The first example that falls under these challenges is the idiomatic expression *for donkey's years*. This British informal phrase is used when meaning «a very long time» [14]. It should be emphasized that in the source text the idiom appears in two forms as *for donkey's ears and*

for donkey's years. The extensive definition of these expressions taken from the Oxford English Dictionary says that they both have exactly the same meaning. However, the former is used occasionally as «a punning allusion to the length of the donkey's ears and to the vulgar pronunciation of ears as years» [15]. This definition explains the appearance of donkey's ears in the text as the character who used this idiom in his speech is a cockney. Cockney dialect that «traditionally refers to the speech of those born within the sound of Bow Bells that is in the City of London» [17] also appears as an indication of a working-class society. Due to their social background the representatives of such a society use their own vocabulary and grammar which usually differ from those used by the upper-class. Therefore, the character rephrased the idiom when talking to Stella [14, pp. 144] as his speech contradicts the upper class speech patterns. In terms of translation, the challenge was to show this difference to the target audience and, what is more important, to present the idiom in a way understandable for the readers. With an aim to correspond to the purpose of our translation it was decided that the idiom should be domesticated as this allows to translate «in a transparent, fluent, invisible style in order to minimize the foreignness of the target text» [12]. Due to the complex nature of idiomatic expressions in general, domestication is viewed as the best and the easiest way to convey exactly the same or rough meaning of the expression. What the translator needs is to find an idiom with a similar meaning in the target language. This strategy was used while translating *donkey's years*. The closest Russian equivalent that we have found was *со времен Царя Гороха*. In spite the differences in the lexical items the Russian idiom conveys the same meaning which makes possible to suggest that the chosen strategy offered the ideal translation solution. Moreover, the Russian idiom is often used in children's fairy tales where Царь Горох (literally the King Pea) appears as a funny character. Therefore, it is assumed that the translation would meet the requirements of the target audience since they are familiar with the image the target text produces. As to the indication of the differences between the cockney dialect and the upper class speech it should be said that in this particular case we simply emphasized that Stella did not understand what Soot was talking about. In this way, in the target translation Soot explains what *the donkey's years* means:

- *Со времен Царя Гороха. То есть целую вечность.*
- *Since the time of the King Pea. That means for ages.*

The present commentary has outlined several of the numerous examples of culturally marked words and expressions that were revealed during the process of translation. What the commentary has shown is that if the aim of the translation is to adjust the source text to the target readers' requirements, then cultural elements must be interpreted in a way that corresponds to the readers' cultural values and beliefs. As skopos theory is target-oriented and allows to recreate the source text to the children's needs, then it is regarded as a successful approach in translation of children's literature. The commentary has demonstrated that while translating culturally-bound words and expressions

the easiest way to transfer them is to find the closest equivalent in the target culture. In most the cases equivalence is more successful than other strategies as it allows to use those expressions and words that the target readers are familiar with. Nevertheless, the freedom of the translator's decisions within skopos theory makes it possible to expand the boundaries of an accurate translation and choose the strategy that better suits its goal. In this way, the translator

could modify the source text and make it appropriate with the norms and values of the culture of the target readers. Here it must be acknowledged that in the process of translating for children it is particularly important for the translator to have a strong bicultural vision. In line with the advantages that skopos theory presents the thorough bicultural vision of the translator will help to be coherent with the target readers as much as possible.

References:

1. Hill, Susan. (2014, 16 May). 'Spectator books of the Year: Susan Hill on David Walliams'. Spectator. Available at <http://www.spectator.co.uk/2014/11/books-of-the-year-15/> (accessed 25 August 2016)
2. Ardagh, Philip. (2014, 25 September). 'Awful Auntie Review — David Walliams Best Book Yet', The Guardian. Available at <https://www.theguardian.com/books/2014/sep/25/awful-auntie-david-walliams-review-childrens-book> (accessed 3 September 2016)
3. A'Court, Michelle (2015, 16 May). 'Awful Auntie: David Walliams', Auckland Writers Festival. Available at <https://vimeo.com/131163315> (accessed 3 September 2016)
4. Townsend, Sue. (2012, 16 March). 'Sue Townsend on David Walliams'. The Guardian. Available at <https://www.theguardian.com/books/2012/mar/16/happy-birthday-childrens-books-site>
5. O'Connell, Eithne. 2006. Translating for Children in Lathey. G. (ed.) The Translation of Children's Literature: A Reader (Toronto: Multilingual Matters), pp.14–25
6. Stolt, Birgit. 2006. 'How Emil Becomes Michel On the Translation of Children's Books', in Lathey, G. (ed.) The Translation of Children's Literature: A Reader, (Clevedon: Multilingual Matters), pp. 67–83
7. Thomson-Wolgemuth, Gaby. 2009. Translation under State Control. Books for Young People in the German Democratic Republic (New York and London: Routledge)
8. Spink, John. 1990. 'Children as Readers: A Study', in Oittinen, Rita. Translating for Children. (New York & London: Garland Publishing Inc. Rascua Febles), p.16
9. Rose, Jaquiline. 1974. The Case of Peter Pan: Or, the Impossibility of Children's Fiction. (Philadelphia: University of Pennsylvania Press), p. 1
10. Askari, Mojtaba, Akbari, Alireza, and Amiryousefi, Mohammad. 2015. 'Translating Children's Literature: Keeping Functions in Translator's Possible Interpretations', in Elixir Ling. & Trans. 83 (Iran: University of Isfahan), pp.33193–33196
11. Schaffner, Christina. 1998. 'Action (Theory of Translational Action)', in Baker Mona (ed.) Routledge Encyclopedia of Translation Studies. (London: Routledge)
12. Vermeer, Hans. 1994. 'Translation Today: Old and New Problems', in, Snell-Hornby, Mary, Franz Pöchhacker and Klaus Kaindl (ed.) Translation Studies: An Interdiscipline (Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins), p.10
13. Walliams, D. 2014. Awful Auntie (Harper Collins Publishers)
14. Cambridge Dictionary Online. Available at <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/workhouse> (accessed 3 September 2016)
15. Oxford English Dictionary. Available at
16. <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/gnash> (accessed 25 August 2016)
17. Minsheu, John. 1617. Ductor in Linguas. Edited by Schäfer, Jürgen. (Delmar: Scholars Facsimiles and Reprint, 1978)

Антонимический перевод как переводческая трансформация

Лившиц Алина Евгеньевна, студент

Комсомольский-на-Амуре государственный университет

В статье рассматривается проблема адекватности перевода и ее один из эффективных способов решения — антонимический перевод, как переводческая трансформация. Рассмотрены основные два приёма антонимического перевода на примерах текстов художественного стиля.

Ключевые слова: антонимический перевод, антонимы, отрицание, негативация, позитивация, адекватность, эквивалентность.

Вопросы переводоведения всегда представляли большой интерес для исследователей-лингвистов.

Все большее внимание уделяется проблемам искажения переводимого текста и печатается литература с приме-

рами ложных друзей переводчика во избежание ошибок. Одним из таких средств решения является антонимический перевод, который представляет собой замену отрицательной конструкции на утвердительную и наоборот.

Интерпретация смысла с иностранного языка на переводимый представляет собой деятельность, которая невозможна без специальных знаний в области перевода.

В.С. Виноградов термин перевод определяет, как процесс передачи содержания, выраженного на одном языке средствами другого языка, так и его конечный продукт — результат, который выражается в тексте устном или письменном [1, с. 3].

При Миньяр-Белоручев понимает под термином перевод межъязыковые преобразования, трансформацию текста на одном языке в текст на другом языке [2, с. 6].

При переводе текст претерпевает различные изменения, подстраиваясь под предметную ситуацию, которая сможет донести информацию в том семантическом виде, которую задумал автор. Эти переводческие преобразования необходимы и имеют свое начало в различиях между системами двух языков в области их звукового (фонологического) строя, словарного состава и грамматического строя [3, с. 26].

Фёдоров А.В. считает, что полноценность перевода зависит от передачи смыслового содержания подлинника путем воспроизведения особенностей последней (если это возможно по языковым условиям) или создания функциональных соответствий этим особенностям [4, с. 173].

Если бы речь была простой и узконаправленной, всё сводилось бы к буквальному переводу, но мир языковых средств богат на пёстрые приёмы, и переводчику необходимо добиваться не полной точности текста, его эквивалентности, а адекватности. Добиться адекватности перевода возможно, применяя языковые трансформации.

А.Д. Швейцер считает, что переводческая трансформация представляет собой отношение между исходными и конечными языковыми выражениями, замену в процессе перевода одной формы выражения другой и понимается в метафорическом смысле [5, с. 118].

На данный момент, исследователи не пришли к общему согласию по вопросу типологии переводческих трансформаций, а некоторые классификации значительно отличаются друг от друга. Казакова Т.А. разделяет функциональное преобразование на три категории:

1. Лексико-семантические трансформации;
2. Грамматические трансформации;
3. Стилистические трансформации [6, с. 51].

А.Д. Швейцер под трансформацией понимает «технология» перевода, при которой происходят функционально-структурные расхождения в процессе самого перевода [5, с. 11].

В.Н. Комиссаров полагает, что «переводческие трансформации — это преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода в указанном смысле» [7, с. 172].

Антонимический перевод является одним из эффективных средств решения переводческих трудностей

и помогает избежать искажения смысла, когда буквальный перевод превращает его в абсурд.

Л.С. Бархударов под термином антонимический перевод понимает комплексную лексико-грамматическую замену, сущность которой заключена в трансформации отрицательной конструкции в утвердительную, или, наоборот, утвердительной в отрицательную, при этом происходит замена одного из слов переводимого предложения исходного языка на его антоним в переводящем языке. [8, с. 215].

По мнению В.Н. Комиссарова при антонимическом переводе, единица исходного языка может заменяться не только прямо противоположной единицей переводящего языка, но и другими словами и сочетаниями, выражающими противоположную мысль [7, с. 184]. Я.И. Рецкер считает, что в антонимическом переводе происходит не только отрицание понятия, но и противопоставление [9, с. 57].

А.Д. Швейцер выделяет в антонимическом переводе — конверсивный перевод, который является разновидностью антонимического перевода, основанный на взаимозаменяемости разнонаправленных действий (начаться — начать) и перегруппировке актантов [5, с. 190]. По его мнению, одним из наиболее частых побудительных мотивов, заставляющих переводчика прибегать к конверсивным трансформациям, являются различия в языковой реализации коммуникативной структуры (актуального членения) высказывания [5, с. 142].

Т.А. Казакова объясняет использование антонимического перевода возможностью создания грамматической структуры, которая будет звучать более естественно на переводящем языке. Переводчик прибегает к антонимическому приему в тех случаях, когда грамматическая форма в языке оригинала не соответствует правилам лексической сочетаемости на языке перевода. Обращение к антонимическому переводу разрешает конфликт сочетаемости единиц языка в переводимом тексте [6, с. 161].

Многие исследователи считают антонимический прием эффективным инструментом переводчика, в особенности в тех случаях, когда не представляется возможным любой другой прием. Н.К. Грабовский видит антонимический перевод средством достижения эквивалентности, которое выполняется по формуле двойного отрицания. В своем учебном пособии Н.К. Гарбовский пишет, что антонимический перевод может быть обусловлен асимметрией лексико-семантических систем, проявляющейся в том, что какое-либо понятие не имеет средств выражения в одном из языков, сталкивающихся в переводе [10, с. 466–467].

Большинство лингвистов классифицируют три вида приёмов антонимического перевода:

1. Стратегию негативации. В этом случае слово или словосочетание не содержит формально отрицательного суффикса или частицы, но при переводе заменяется на слово с приставкой не- или словосочетанием с частицей не, например: *to continue* — не останавливаться.

2. Стратегию позитивации, в случае с которой, слово или словосочетание с формально выраженной отрицательной семой заменяется при переводе на слово или

словосочетание без формально выраженного отрицательного компонента, например, *unabolished* — такой, который остается действующим.

3. Стратегия аннулирования, когда на языке оригинала происходит двойное отрицание, а при переводе эти два компонента аннулируются, например, *not impossible* — возможный [11, с. 107–112].

Рассмотрим примеры применения стратегии негативации в художественном стиле:

1. He evidently *wished to return* to his book — Ему явно *не терпелось вернуться* к книге. [12, с. 15]. В этом примере глагол *wished* (желал) заменяется глаголом *терпеть*, к которому добавляется отрицательная частица *не*.

2. And he used *another language*. — И говорил он *не на нашем языке*. В этом примере прилагательное *another* (другой) заменяется на *наш*, к которому добавляется отрицательная частица *не*.

3. «I think it's *a good idea*.» — По-моему, *неплохая мысль*. [12, с. 17–18]. В этом примере прилагательное *good* (хороший) заменяется антонимом *плохой*, к которому добавляется префикс *не-*.

Большинство лингвистов полагают, что стратегия позитивации наиболее распространён для англо-русских переводов.

Рассмотрим примеры применения данного приема в текстах художественного стиля:

1. He murmured a few tactful *nothings* and then managed unobtrusively to leave the two friends together. — Промычав *что-то* из приличия, он предупредительно вышел, оставив подруг вдвоем. В этом примере существительное *nothings* (ничегошеньки) заменяется антонимом *что-то*.

2. «What *nonsense* you talk, Jackie darling! — Какую *чушь* ты несешь, Джеки! [13, с. 11]. В этом примере существительное *nonsense* (абсурд) заменяется существительным *что-то*. У существительного *nonsense* имеется словарное соответствие без отрицательного префикса, поэтому этот случай является формальным примером антонимического перевода.

3. *Not many* people want to be cured. — *Мало* кто соглашается на лечение. [12, с. 43]. В этом примере существительное *many* (много) в оригинале текста отрицается частицей *not*, которая отсутствует при переводе заменяется антонимом *мало*.

Антонимический перевод является сравнительно распространённым видом переводческой трансформации. Его ценность заключается в адекватной передаче замысла автора. Антонимический перевод необходим, для того чтобы избежать буквалистической ошибки переводчика. На уровне слова может быть реализован приём позитивации (морфемное отрицание, служебные и знаменательные части речи). На уровне слова может быть реализован приём негативации (замещение слова с негативной окраской, перевод глаголов, прилагательных, наречий). Успешное использование антонимического перевода зависит, от понимания особенностей стиля, общий тон произведения и понимании предметов материальной или духовной культуры переводимого оригинального текста переводчиком. Так же достижение адекватного перевода зависит от опыта переводчика и его предпочтений.

Итак, данный вид переводческой трансформации представляет собой непосредственный интерес для изучения, так как представляется среди переводческих преобразований наиболее эффективным и точным.

Литература:

1. В. С. Виноградов Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). — М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001, — 224 с.
2. Р. К. Миньяр-Белоручев Теория и методы перевода. — М.: Московский Лицей, 1996, — 208 с.
3. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода URSS.: 2017. — 240 с
4. Фёдоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): СПб.: 2002—416 с
5. Швейцер А. Д. Теория Перевода. Статус, проблемы, аспекты М.: URSS, 2012—216 с
6. Казакова Т. А. Практические основы перевода СПб Издательство Союз 2001—320 с
7. Комиссаров В. Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты). — М.: Высшая школа, 1990. — 253 с.
8. Бархударов Л. С. Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода). — М.: Международные отношения, 1975. — 240 с; — М.: ЛКИ, 2010. — 260 с.
9. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Доп. и комм. Д. И. Ермоловича. — 5-е изд., испр. и доп. — М.: Аудитория, 2016—244 с.
10. Грабовской Н. К. Теория перевода: Учебник М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. — 544 с.
11. Е. А. Кириченко, Д. О. Полевик // Сборник научных статей. Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. Бюро переводов Альба, вып. № 3, Нижний Новгород, Россия, 2013. — С. 107–112.
12. Брэдбэри Р. 451° по Фаренгейту: повести; рассказы: [пер. с англ.] / Рэй Брэдбэри. — М.: Эксмо, 2014. — 896 с. — (Библиотека всемирной литературы).
13. Кристи А. Смерть на Ниле: Книга для чтения на английском языке. — СПб.: Антология, КАРО, 2005. — 320 с.

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА

Международный научный журнал
№ 2 (8) / 2018

Редакционная коллегия:

Главный редактор: Ахметова М.Н.	Международный редакционный совет:
Члены редакционной коллегии: Айрян З.Г. Ахметова М.Н. Досманбетова З.Р. Иванова Ю.В. Игнатова М.А. Ткаченко И.Г.	Айрян З.Г. (Армения) Арошидзе П.Л. (Грузия) Атаев З.В. (Россия) Ахмеденов К.М. (Казахстан) Бидова Б.Б. (Россия) Борисов В.В. (Украина) Велковска Г.Ц. (Болгария) Гайич Т. (Сербия) Данатаров А. (Туркменистан) Данилов А.М. (Россия) Демидов А.А. (Россия) Досманбетова З.Р. (Казахстан) Ешиев А.М. (Кыргызстан) Жолдошев С.Т. (Кыргызстан) Игисинов Н.С. (Казахстан) Кадыров К.Б. (Узбекистан) Кайгородов И.Б. (Бразилия) Каленский А.В. (Россия) Козырева О.А. (Россия) Колпак Е.П. (Россия) Кошербаева А.Н. (Казахстан) Курпаяниди К.И. (Узбекистан) Куташов В.А. (Россия) Кыят Эмине Лейла (Турция) Лю Цзюань (Китай) Малес Л.В. (Украина) Нагервадзе М.А. (Грузия) Прокопьев Н.Я. (Россия) Прокофьева М.А. (Казахстан) Рахматуллин Р.Ю. (Россия) Ребезов М.Б. (Россия) Сорока Ю.Г. (Украина) Узаков Г.Н. (Узбекистан) Федорова М.С. (Россия) Хоналиев Н.Х. (Таджикистан) Хоссейни А. (Иран) Шарипов А.К. (Казахстан) Шуклина З.Н. (Россия)
Руководитель редакционного отдела: Кайнова Г.А.	
Ответственный редактор: Осянина Е.И.	
Художник: Шишков Е.А. Верстка: Голубцов М.В.	

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции:

почтовый: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231;

фактический: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru

<http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2412-4028

Тираж 500 экз.

Подписано в печать 5.06.2018. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25